

Областной театр и местные драматурги

Давно уже отошло в область преданий то далекое революционное время, когда стационарные театры были только в трех-четыре города России, а все остальные города — в том числе самые многолюдные и промышленные — вынуждены были пробираться лишь гастрольными бригадами туда, которые приезжали на короткое время, а затем снова отправлялись в путь киз Валады в Бердь.

Теперь постоянные театры есть не только во всех областных, но и во многих районных городах. Зрители любят свои театры, гордятся ими, внимательно следят за их творческой работой. Областной театр представляет собою важную составную часть многообразной культурной жизни в каждой из областей нашей Родины.

Понятно, что репертуар прежде всего определяет степень плодотворности работы любого театра. Только тогда зрители тянутся всей душой к театру и находят в нем удовлетворение своих эстетических запросов, когда в репертуаре, наряду с классическими произведениями, есть пьесы, правдиво отражающие нашу жизнь в ее богатстве, многогранности и движении.

Областные театры находятся в счастливых условиях: в их распоряжении — все лучшие пьесы, созданные в столице, в крупных культурных центрах страны.

Однако областной театр не может жить полнокровной творческой жизнью, копируя репертуарные планы столичных театров. Это невозможно и потому, что театр в областном городе должен выпускать значительно больше спектаклей, нежели столичный, и потому, главным образом, что непосредственная связь с писателями, самый процесс рождения современной пьесы составляют неотъемлемую черту театрального творчества.

Коллектив областного театра призван работать в самом тесном контакте с местными писателями, заботиться о рождении новых хороших пьес в дружном, совместном труде драматурга и театра.

Пристальное изучение жизни, умение подметить новые явления, возникающие рядом, умно и широко обобщить их — рождает пьесы, которым обеспечены широкая дорога во все театры страны и благодарная любовь зрителей.

Советская драматургия давно уже перестала быть плодом творчества нескольких десятков столичных литераторов. Вспомним репертуар московских театров за два-три последних года. Мы найдем на афишах этих лет весьма значительное число пьес, написанных драматургами, живущими на периферии. Так, пьеса В. Овечкина «Настя Колосова» была написана во Львове, впервые поставлена Ярославским театром, а затем появилась на сцене Малого театра. Пьеса А. Салынского «Дорога первых» получила свою специфическую жизнь в Свердловске. Пьеса «В Лебяжьем» родилась в результате плодотворного творческого сотрудничества ее автора Д. Деятлова с Тамбовским театром.

Пьеса П. Малайревского «Канун грозы» была написана и поставлена в Иркутске. Только в 1951 году периферийные театры РСФСР работали над 56 пьесами местных драматургов. Среди показанных ими новых спектаклей были такие, как «Ранняя весна» А. Тищенко в Горьком, «Сергей Лазо» Е. Бондаревой во Владивостоке, «Хребты Саянские» С. Сартакова в Атнинске.

Достоинства лучших из числа названных здесь пьес в значительной мере обусловлены тем, что театры своевременно подметили зерно нового, заложенное в этих пьесах, привлекли авторов к совместной работе, сообразно добивались идейно-художественной завершенности включенных в репертуар произведений.

В краях и областях нашей страны в драматургию приходят новые авторы. Однако многие пьесы, написанные на периферии, страдают серьезными недостатками, присущими нашей драматургии последних лет. Возьмем показывать жизнь в истинном свете, лакировка действительности, идеализация фактов вместо живых людей — все это черты вынужденной «теории бесконфликтности». нередко пьесы отличаются схематичным сюжетом, невыразительным, бедным языком. Театр, принявший к постановке пьесу, вместе с автором несет ответственность за художественные достоинства и недостатки.

Только бдительная эстетическая ответственность можно объяснить то, что нередко областные театры попросту игнорируют пьесы местных авторов, не хотят видеть замечательных в них возможностей, предпочитая повторять столичный репертуар, либо дожидаться, пока пьеса, предложенная драматургом, получит апробацию в Москве.

Неверная, перестраховочная позиция! Ленинская острота, отсутствие вкуса в борьбе за обогащение репертуара путем привлечения местных писателей, ограничение постановочных планов пьесами, уже прошедшими на сцене столичных театров (стак, мол, спокойнее), присущи еще многим руководителям областных театров.

Приведенный выше список пьес, вошедших в репертуар театров страны после постановки их в областных театрах, может быть продолжен и другим списком: это пьесы, которые были показаны в родных городах их авторов лишь после того, как постановки их осуществили театры столицы. Так было, например, с некоторыми пьесами сталинградца Ю. Чепурина, со «Стеньгой широкой» краснодарского драматурга Н. Вилникова. Вот уже несколько лет в Москве пьеса В. Семенова «Там, где не было затемнения», но она так и не была показана на родине драматурга — в Свердловске. Драматург Л. Гераскина рассказала на семинаре областных драматургов, что написанную ею в Краснодаре пьесу «Аттестат зрелости» местный театр ставить отказался, и она смогла завершить свою работу лишь потому, что получила помощь и поддержку в коллективе Новосибирского театра юного зрителя.

Работы с местными авторами почти не ведут театры таких крупных культурных центров, как Ростов, Архангельск, Воронеж, Киров, Мурманск, Краснодар; совершенно недостаточно помогают драматургам своих городов театры Свердловска, Челябинска, Красноярска, Ставрополя, Смоленска, Симферополя и ряда других городов страны, где есть и опытные литераторы, и люди, впервые пробующие свои силы в драматургическом творчестве.

Несколько месяцев тому назад Комитет по делам искусств РСФСР, Союз советских писателей СССР и Всероссийское театральное общество провели в Москве творческий семинар для драматургов, работающих в областях Российской Федерации. На этом семинаре было обсуждено 35 новых пьес, и, по мнению принимающих участие в работе семинара драматургов и критиков, некоторые из этих пьес заслуживают внимательной работы театров с авторами. Однако большинство авторов привели в своих выступлениях факты самого безудачного, незаинтересованного и формального отношения театров к работе с местными драматургами.

Пора, наконец, понять, что включение в репертуар хорошей оригинальной пьесы, созданной на местном материале и поднятой до большого обобщения, — дело чести областного театра, свидетельство его активного участия в улучшении репертуара театров страны.

Комитет по делам искусств и Всероссийское театральное общество обязаны позаботиться о том, чтобы полезный опыт тамбовского, горьковского и других театров в работе с местными авторами нашел распространение. — так же, например, как и опыт ярославского театра, сочетавшего работу над «Настей Колосовой» с детальным и вдумчивым изучением колхозной жизни.

Такое распространение опыта необходимо, ибо во многих театральных коллективах хорошие намерения режиссеров и актеров работать с драматургом не подкреплены необходимым умением вести эту работу на должном уровне и добиваться желаемых результатов. Так, например, главный режиссер орловского театра А. Беяевский должен делить с авторами пьесы «Первый шаг» Е. Горюхина и А. Яновский ответственность за те недостатки, которые помешали широкому распространению пьесы. А недостатки эти заключаются прежде всего в «местнической» узости пьесы, не выработанной и, напротив, даже усиленной театром. Опыт, скажем, тамбовцев, несомненно, обогатил бы работников орловского театра. Но для того, чтобы этот опыт стал им доступен, необходима систематическая забота Комитета по делам искусств и ВТО.

Живая связь с театрами, содействие в установлении тесного контакта между театрами и драматургами входят также в круг забот всех местных отделений Союза советских писателей. Однако многие руководители местных отделений считают еще единственной формой работы с молодыми драматургами семинары, создаваемые в Москве. Они забывают, что реальную пользу такие семинары смогут принести лишь в том случае, если результаты их будут закреплены и продолжены постоянной воспитательной работой на местах.

Вспомогательная помощь драматургам, работающим на местах, — один из наиболее важных элементов борьбы за общий подъем советской драматургии. Оказывать эту помощь, обогащая собственный репертуар полноценными идейно-художественными драматургическими произведениями, — первый долг каждого областного театра и всех его творческих работников.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 60 (2933)

Суббота, 17 мая 1952 г.

Цена 40 коп.

В ТОЛКОВОМ слове В. Дала написано, что чабан — это «овчий пастух, овчар, барашник».

Колхозный строй сделал неузнаваемыми «овчаров», «баранников». Степан Васильевич Кучеренко, старший чабан колхоза «Перштрауна», Складского района на Херсонщине, носит на груди почетный значок «Отличник сельского хозяйства». Он потомственный овчар, отдавший любимому делу шестнадцать лет большого труда.

Почти тридцать лет был овчаром и его родной отец, гонимый отары меринсов в причерноморских степях. Но отец был только овчаром, Босой с февраля по конец ноября. В жару и в стужу в худом нагальном зиннушке. С курдюком тельной, провялившей жиром овцы за плечами, с неразлучной кривой «гырлыгой». Он не имел только собственной хаты или клочка земли, Янко даже фамилии его не помнил. Колхозист-помощник, его управляющий, дворовая челядь называли старого Кучеренку просто «чабан Василь».

В памяти сына остался облик отца: до черна опаленное солнцем зноем лицо с запавшими щеками, большие мозолистые, никогда не знавшие мыла руки, потрескавшиеся до крови пальцы ног с обожженными ногтями. Неправотный, забытый нуждой, отдавший свой труд помещику за ломоть отстиганного хлеба, старый Василь Кучеренко был только «овчим пастухом». Подневольный труд душил в нем чувства, притуплял мысли. Отары тонкорунных овец не принадлежали ему, они принадлежали помещику.

Степан Кучеренко — весь в отца. Такой же большой лоб, раздатые брови, суровые морщинки над переносицей. Но это совершенно другое складка человека. Степану Васильевичу доверено огромное колхозное богатство — три тысячи голов овец.

Степан Кучеренко недавно побывал в Аскании-Нова, во Всесоюзном научно-исследовательском институте гибридизации и акклиматизации животных. Колхоз поддерживает с институтом давние традиционные связи. Колхозу выделяли из стада института пару отменных баранов асканийской породы, в которых теперь знают толк не только в Чабасах, а по всей Украине, по всему Советскому Союзу. На весь мир славится эта новая советская порода меринсов.

— Дали, дали нам парочку, — весело улыбаясь в ответ Степан Васильевич. — Таких, как у нас номер 1271, Верторго! — Ого-о! — восклицают образованные посетители колхозники. Верторго, баран номер 1271, — это гордость колхоза. Равного ему нет в овечьей отаре. Вес 143 килограмма. Настриг шерсти 22,4 килограмма: от одного хвяти камвольной шерсти на десяток переложасных костюмов. Возьмите в руки любой справочник по животноводству, и вы прочтете, что овцы рабаме дают за год шерсти — матки 5 килограммов, а бараны — 6—8. Весом же только отдельные экземпляры достигают 125 килограммов.

Степан Васильевич выхаживал Верторго с 1946 года, готовил ему отменную пищу, поил сырыми куриными яйцами, угодил красной морковью, пахучими, свежими отрубями, баловал. Ведь этим бараном чабан улучшал колхозную отару. Все три тысячи овец должны быть высокопродуктивными.

Вдумаясь в то, чем занят колхозный чабан, какую он ведет работу, и сразу видишь продолжение прямой линии: «овчий пастух» занят той же мыслью, что и научные работники Аскании-Нова!

Он и лично звал академика М. Ф. Иванова, предводителя много лет в институте гибридизации, не одну книгу его прочел. А недавно, обобщая свой многолетний опыт выращивания тонкорунных овец, и сам выпустил книгу.

В каждом украинском колхозе есть овцеферма. Многие тысячи лучших людей колхозов творчески, самоотверженно трудятся над осуществлением задачи, поставленной перед животноводцами партией, отдавая все свои знания и опыт увеличению поголовья и повышению продуктивности общественного скота.

Разные по возрасту, по образованию, по складу характера и темпераменту люди в различных природно-климатических условиях ведут огромную работу. К ним уж никак не применишь устаревшее определение Дала. «Овчие пастухи» стали общественными деятелями, учеными. Они двигают вперед культуру разведения овец. Продолжают в колхозах линии научных работ различных научно-исследовательских организаций страны, обогащают науку своим замечательным опытом.

Эти люди, пристально следящие за всеми новейшими достижениями передовой мировой науки. Они ставят свои опыты, упорно экспериментируют, ревностно изучают опыт сотворившей по труду.

НА ВОЛГО-ДОНЕ

Утром 16 мая встал в последний забой в Волгодонском районе 14-кубовый шагающий экскаватор.

Позади остались напряженные дни и ночи освоения первоклассной советской землеройной машины, первые успехи и настоятельная, повсеместная борьба за каждый лишний кубометр земли.

Экипаж большого шагающего экскаватора, возглавляемый молодым инженером А. Усковым, начал с выемки 2 тысяч кубометров грунта за смену, а в последнее время дал 9—10 тысяч кубометров. Всего на строительстве Волго-Донского канала экипаж вынул 2,890 тысяч кубометров грунта.

И вот последний забой! Настроение у членов экипажа приподнятое. За путь управления садится комсомолец Валентин Клевин и приводит в движение огромную машину. Бесшумно опускается в русло канала ковш и через мгновение легко взлетает вверх, проносится высоко в воздухе и высыпает землю далеко в стороне.

ЧАБАН

Павло ОРОВЕЦКИЙ

Содовляющий чабан колхоза имени Коминтерна, Петриковского района, Ф. С. Чехута вырашивает, как шутя любит говорить на Днепротровщине, «генеральские шалки». Когда ранней весной он выводит в поле свои голубые отары сокольских овец, его любовно провожает весь колхоз. Волна за волной плывут по зеленым лугам и косогорам сотни овец, от которых трудно отвести взгляд. А вперед, слегка придерживая прыть рвущихся вперед ярок и баранчиков-толкочков, спокойно выступает знавший чабан, зорко следящий за тем, чтобы во всем его многоголовом и многоголовом стаде был порядок.

— Не только генералы да полковники любят наши сокольские смужки, — говорит Ф. С. Чехута. — А сколько молодотек-красавиц мечтает о том, чтобы положить на бостонное пальто серо-голубой воротничок, загнуть шалочку-серяночку!

Еще до войны овцеферма этого перелового колхоза была представлена на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Возле стенда с сокольскими смужками всегда толпились люди, спорили, сравнивали друг друга в нем чувства, притуплял мысли. Отары тонкорунных овец не принадлежали ему, они принадлежали помещику.

После войны в артельном хозяйстве не осталось ни одной сокольской овцы. Но старый Чехута верил в созидательные силы колхозного строя и знал, что в ближайшее время сумеет восстановить любимую отару. Он собрал на ферму грубошерстных овец, среди них попадались и цыгайские, и что-то похуже на прелос...

Творчество есть творчество. В процессе отбора лучших экземпляров Ф. С. Чехута обращает внимание на то, что некоторые овцы из года в год приносят по две ягноты. И у него возникает мысль о закреплении этих ценных качеств у животных. Он начинает вести новые линии овец, сводит вместе лучших из лучших представителей породы и получает одну, вторую, третью отару, которые начинают давать уже не по два, а по три ягнотка в отар. Через два года в отаре Чехуты было уже более десятка таких овец. К нему приезжают учиться из соседних колхозов, все чаще заглядывают на овцеферму научные работники. Они подробно записывают все, что делает Ф. С. Чехута, обобщают опыт старика овчара. Вскоре рождается мысль издать книгу чабана.

И вот эта книжка перед нами. — Цель — добиться высокого многоплодия маток — была продумана мною всесторонне, — пишет в книге Чехута. — Я анализирую свой опыт, присматриваюсь к работе других чабанов, изучаю достижения овцеводов в других местах нашей страны, интересуюсь данными зоотехнической науки по этому вопросу.

Старый колхозник действовал, как знает своего дела, твердо и уверенно иля к свершению задуманного. И разве такого преобразования можно назвать просто овчим пастухом!

Недавно в Киеве состоялось республиканское совещание передовиков сельского хозяйства. Полторы тысячи замечательнейших людей Советской Украины заняли места в оперном театре. Здесь было столько Героев Социалистического Труда, что председатели закарпатского колхоза имени Ленина Ю. Ф. Штепа, впервые попавший на такое совещание, восклицают:

— Мабути, в американскому неби менше зирок, нежели их сияет на горах советских людей!

На совещании выступил чабан колхоза имени Сталина, Приморского района, Сталинской области, Антон Вавилович Жуков. Изредка он склоняется к своим запискам. Затем, выпрямляясь, откидываясь с высокого лаба густые волосы и простирает вперед руку.

— Товарищи! Цыгайская овца в Европе известна тем, что она дает шерсть для выделки технических сукон. Академик Иванов рассказывал, что там вес ее не превышает 42—48 килограммов. Наши советские овцеводы значительно улучшили породу, и в большинстве бараны-цыгаи уже весят по 60—70 килограммов. Шесть лет тому назад и в нашем колхозе были такие овцы. А теперь...

И Антон Вавилович в течение целого получаса рассказывает участникам совещания замечательную историю о том, как он, пользуясь научным методом отбора, постепенно улучшает породные качества старого цыгаи. Он проделал десятки комбинаций скрещивания отдельных представителей породы, стремясь получить не только лучшие по весу экземпляры, но и более

многоплодные, но и наиболее шерстные. Большая, кропотливая работа!

В 1948 году Жуков уже вырастил барана весом в 100 килограммов. Казабе бы, можно успокоиться: баран-великан дал также невиданный настриг шерсти — 12,5 килограмма. Не только в колхозе имени Сталина — по всему Азовскому побережью не было до сих пор такого представителя цыгаи! Но для Антона Вавиловича это было только началом новой работы. Проходят годы, и на колхозных выпасах появляются новые красавцы-бараны, достигающие веса в 115—120 килограммов, а средний вес элитной группы овцематок — 95 килограммов.

Но если можно добиться такого преобразования природы овец, рассуждает далее колхозный чабан, то почему не попытаться взять у них по два приплода в год?

Прада, практика овцеводства до сих пор знала двойные отары только на альпийских пастбищах Кавказа. Но почему овца, дав в феврале-марте ягнот, не может принести новых еще осенью? Жуков садится за книгу, вновь и вновь перечитывает труды своего учителя академика Иванова, обращается за помощью и советом в Украинский научно-исследовательский институт животноводства.

— Нельзя ли, — спрашивает Антон Вавилович, — путем сокращения светового дня летом создать для организма животного условия, сходные с условиями осеннего периода, когда обычно происходит олодотворение?

В Харькове запрос новатора вызывает споры, разные толкования. Научные работники в свою очередь садятся за книги, чтобы найти теоретические обоснования созрелшей у колхозного чабана мысли.

Пока в Харькове готовился ответ чабану, он решил улучшить содержание овцы, перенал их в Приморский заводник, где условия несколько сходны с высокоторными, организует кормежку овец зеленой рожью, просершим зерном, богатым витамином «В», применяет препарат, до сих пор употреблявшийся только для крупного рогатого скота. И добивается своего: 165 овцематок приносит в году второй окот.

Успехи в направленном воспитании организма животного настолько воодушевляют Антона Вавиловича, что он решает всесторонне улучшить цыгайскую породу. Пути увеличения веса животных, их быстрейшего размножения и увеличения настрига шерсти уже известны. Но ведь шерсть и цыгаи значительно уступают качеству шерсти меринсов? А советским людям нужно больше тонкорунной. Как же улучшить цыгайскую шерсть?

Жуков едет в Асканию-Нова, где он ранее облюбовал себе барана весом в 153 килограмма с настригом шерсти в 13,5 килограмма, у которого шерсть в полтора раза тоньше, чем у цыгаев. Между чабаном и учеными происходит короткая стачка. Асканийцы отказывают Жукову. Он настаивает. Вмешиваются республиканские организации, и Антон Вавилович возвращается в колхоз с одним из лучших асканийских баранов.

— Мы знаем, — страстно говорит Жуков с трибуны республиканского совещания передовиков сельского хозяйства, — в Аскании-Нова есть бараны весом и до 172 килограммов, с настригом шерсти в 22 и больше килограммов. Это животные нашей непревзойденной советской асканийской породы! А мы работаем с цыгайской овцой, качеством которой намного ниже асканийской. Но, несмотря на это, я хочу заставить участников этого совещания, что чабаны колхоза имени Сталина в ближайшие годы вырастят у себя таких овец, которые не уступают бы асканийским не только по весу и настригу, но и по тонине шерсти...

В президиуме совещания раздаются аплодисменты. Их подхватывает весь зал, тепло провожая уходившего с трибуны замечательного советского чабана, экспериментатора, ученого.

Говоря о постановке научно-исследовательского дела в нашей стране, академик М. Ф. Иванов указывал:

«Основными исходными моментами при всякого рода работах по овцеводству должны быть следующие: 1) поднятие продуктивности овец до максимума; 2) улучшение качества получаемых от овец продуктов; 3) получение возможно высокой оплаты корма, или, иначе говоря, производство продуктов при возможно меньшей себестоимости».

Мы не знаем, выписана ли у Антона Вавиловича Жукова эта цитата. Но его десятилетняя плодотворная работа по овцеводству свидетельствует, что теория дает практикам силу ориентировки, ясность перспектив, уверенность в работе. А такой чабан — не «овчий пастух»!

В кабинете машины — бывший танкист, талантливый экскаваторщик Михаил Гладких, экскаватор с ходу приступает к выемке земли на обводнительном канале. Вечером Гладких заменит его напарник и друг Иван Шуклин.

Завершающие работы для приема дождевой воды сегодня ведутся на всех участках Волгодонского района. За последние 19 дней здесь было замощено столько же откосов канала, сколько до этого было сделано за 14 месяцев.

— Дон: стучится к нам, — говорят строители волгодонцев.

И они прикладывают все усилия для того, чтобы в ближайший день-два пропустить дождевую воду через свой участок.

А. ШЕЙНКО, корр. «Литературной газеты»

Международные отклики

ЦЕННЫЕ ПРИЗНАНИЯ

Вашингтонские маньяки, развязав бактериологическую войну против народов Кореи и Китая, не оставляют попыток замести следы своих чудовищных злодеяний.

Однако теперь находится много американцев, которые берут под сомнение искренности официальных заверений в «непричастности» правительства США в бактериологической войне. В начале апреля американский протестантский журнал «Крисчен сенчур», повторяя официальную версию, выступил с редакционной статьей, в которой голословно опровергались факты широкого применения американскими вооруженными силами в Корее бактериологического оружия.

Но читатели «Крисчен сенчур» не поверили журналу на слово, они потребовали фактов. «Вы утверждаете, — пишет в письме, присланном в редакцию, Алоэ Бисли, — что обвинение Соединенных Штатов в распространении бактерий в Корее является «большой лозью». Откуда вам это известно?»

Журнал «Крисчен сенчур» попытался ответить на вопросы Алоэ Бисли и других читателей, помещая 14 мая новую редакционную статью. Вот что в ней, в частности, говорится: «...Наша интуиция и наша преданность стране говорят нам, что заявления, распространяемые во всем мире, являются лживыми. Однако в какой мере мы можем полагаться сейчас на нашу интуицию? Принимаю во внимание то, на что намекалось в Вашингтоне по поводу подготовки ужасных видов бактериологического оружия, как можем мы быть уверены, что опыты по ведению бактериологической войны не проводятся?»

Чем пристальнее приглядываются авторы статьи в «Крисчен сенчур» к американской действительности, тем больше они находят подтверждений тем фактам, которые еще недавно они голословно отрицали. «...После потрескивания, произведенного событиями в Хирсине, — пишет далее «Крисчен сенчур», — мы стали проявлять такую бесцерковность в вопросах атомного оружия и гонки по созданию водородной бомбы, что на них президент телеграфного агентства Юнайтед Пресс Хью Бейли смог направить следующее сообщение из Юка-Флат (штат Невада) для опубликования его на видном месте первой полосы крупнейшей нью-Йоркской дневной газеты: «Атомная бомбардировка, как удар милосердия... быстро уничтожит большое количество войск...»

«И с таким благодушием, — с горечью восклицает протестантский еженедельник, — глава крупного телеграфного агентства может говорить об оломе из типов атомных бомб, которыми мы сейчас занимаемся? Сколько американцев понимает, с каким чувством большинство населения остальных стран мира смотрит на использование нами в Корее напалма!»

Черным занавесом лживой пропаганды, клеветы, извращений и фальсификаций отделяла прислушки Уолл-стрит американский народ от окружающего мира. Тем не менее правда о преступлении пентагонских распространителей чумы и холеры пробивает себе дорогу к миллионам честных американцев.

ПОСЛЕ КРОВОАВОГО ВОСКРЕСЕНЬЯ

Собравшись в минувшее воскресенье на слет мира в Эссене, юные немцы из многих городов Западной Германии протестовали против милитаристского «общего договора». Боннские временщики встретили их пулями. Так в свое время поступали кровавые собаки Носке и Гитлер. Неизбитый народ справедливо назвал 11 мая кровавым воскресеньем.

Волна возмущения и негодования всколыхнула всю Германию. С протестами выступила, в частности, Центральная советская свободной немецкой молодежи, секретариат правления КПГ, Объединение свободных немецких профсоюзов, секретариат Объединения лиц, преследовавшихся при нацизме, секретариат главы евангелической церкви Гессена пастора Нимеллера и многие другие организации, объединения и отдельные лица.

Охваченные страхом перед народом, боннские марionетки пытались было прибегнуть к фальсификации, утверждая, что первые выстрелы были сделаны из рядов демонстрантов, а применение оружия полиции «было обосновано необходимостью самообороны». Эта жалкая попытка с треском провалилась. В ландтаге земли Северный Рейн-Вестфалия премьер-министр и министр внутренних дел этой земли Арнольд вынужден был признать, что оружие в Эссене применяла только полиция, что изначально одно из полицейских выстрела, а затем отдал приказ открыть огонь по демонстрантам.

Такова правда. Когда скрыть ее не удалось, боннские власти решили подавить голоса протеста. Члена коммунистической фракции западногерманского парламента депутата Гейнда Рейнера за то, что он внес предложение о создании комиссии для расследования кровавых эссенских событий, лишили права принимать участие в заседаниях. Против редакторов гамбургской газеты «Гамбургер фольксцейтунг», сообщивших правду о кровавом воскресеньем, возбудил судебное преследование. Отряд гамбургской полиции незаконно ворвался в помещение редакции, чтобы конфисковать неугодные властям номера этой газеты.

Кровавой расправой в Эссене боннские вассалы американских пожатителей войны преследовали совершенно определенную цель. Как указывал секретариат пастора Нимеллера, это были «замеренные действия...» Аденауэр, Лер и К^о рассчитывают «железом и кровью» сломать сопротивление западногерманского населения американским военным планам, облегчить полицию «общего договора».

Но господа в Бонне и Вашингтоне прощитались. Выстрелы в Эссене прозвучали, как предостерегающий сигнал для всех миролюбивых людей Германии. «Кровь убитого в Эссене юноши из Мюнхена Филиппа Мюллера и тяжело раненных во время этой кровавой расправы, — заявил Вильгельм Пик, — зовет весь народ к самому решительному протесту против кровавого террора...»

ЛИТЕРАТОР

ЮНЫЕ ЛЕНИНЦЫ

19 мая по всей стране состоятся торжественные сборы пионерских организаций. В этот день исполняется тридцать лет со дня создания пионерской организации, носящей имя Владимира Ильича Ленина. Ныне в ее рядах свыше 19 миллионов школьников.

Первый пионерский отряд был создан, как известно, в 1922 году комсомольцами 16-й типографии Москвы. Когда такие же отряды были организованы в других районах Москвы, в Ленинграде, Туле, Владивостоке, Одессе, 2-я Всероссийская конференция комсомола, проходившая 16—19 мая 1922 года, признала «настойчивую необходимость самостоятельной организации пионерских детей». Решение конференции положило начало массовому детскому коммунистическому движению в нашей стране.

Через два года — 23 мая 1924 года — на Красной площади столицы десять тысяч московских пионеров дали коммунистическую партию клятву на верность делу

Начаты работы в котловане плотины Куйбышевской ГЭС

КУЙБЫШЕВ. У левого берега Волги начались выемка грунта из котлована водосливной плотины и намысы перемычки. В левые вступил экскаватор № 320. Каждый час он вынимает из котлована и укладывает в перемычку по 300 кубометров грунта. Начинать работать и земснаряд № 319. В дальнейшем к ним присоединятся мощные землесосные снаряды производительно по пятьсот и тысяче кубометров грунта в час.

К зиме гидромеханизаторам предстоит вынуть из котлована водосливной плотины шесть миллионов кубометров земли и намыты в левобережную перемычку пять миллионов кубометров грунта.

СТАЛИНСКИЕ ОРЛЯТА

Вас. АРДАМАТСКИЙ

ФЕЛЬЕТОН

Исчезновение Белой дамы

Знаменитый экскаваторщик строительства Куйбышевской ГЭС Борис Коваленко среди учеников его советской школы. Фото В. ЛЕОНОВА

...Рост нового человека особенно ярко заметен на детях.

М. Горький

Лев КАССИЛЬ

В солнечный день они идут вместе под веселыми березками — знатный экскаваторщик строительства Куйбышевской ГЭС Борис Коваленко и пионеры из местной школы-семилетки. Они из тех, кто воздвигает первые великие стройки коммунизма, и его юные друзья, чья жизнь войдет в самый «полюс коммуны».

По всей стране развернуты сегодня пионерские знамена, на которых пламенеет заря завтрашнего дня. Большую дату отмечает наша Пioneрия. Тридцать лет назад впервые зарокотал на Красной Пресне отрядный барабан, привьюжно запел голосистый горн, и узелок скрепился на груди первых юных ленинцев концы алого галстука. Сколько людей на этих три десятилетия в рядах юных пионеров, сколько миллионов советских граждан начали свою деятельную общественную жизнь торжественным обещанием, которое они произнесли под красным знаменем дружины, перед лицом своих товарищей!

О чем думается в эти торжественные и важные минуты детства, когда старший друг с комсомольским знаком повязывает тебе красный галстук?.. О том, что наступила новая пора в твоей жизни: ты принят в дружную семью юных ленинцев, тебя зачислили в ряды многомиллионной Пioneрии, линия ее слитного строя проходит отныне и через тебя, и на груди твоей теперь алый знак революционного отрочества. Твой галстук — знак того, что ты вошел в великую семью борцов за коммунизм. Перушим могучее революционное содружество поколений: коммунистов, комсомольцев, пионеров. Это великое победоносное содружество следует идеям Ленина и Сталина, самым великим и светлым идеям, которые когда-либо знала история. Борьбу за эти идеи, за дело Ленина — Сталина ты отныне должен быть всегда готов!

Да, наши ребята ежедневно участвуют в великом деле созидания радостной жизни.

Родина создала для наших ребят детство радостное и счастливое, но не беззаботное. Беззаботность — качество, чуждое сознанию советских людей, и взрослых и юных. Надо иметь добрые заботы с малых лет. Нашим детям не приходится с малолетства заботиться о своем пропитании, бороться за существование, пробираться сквозь лишения к граммоте. Но у них есть свои заботы: забота о младших, забота о чести своей школы, вдохновляющая и гордая забота о счастье советской Родины, то есть неизбывное ощущение сыновнего долга перед народом.

Эти благородные заботы не обременяют, а растят маленького гражданина. Они порождают в нем те черты, которые позволяют нам сегодня видеть в наших ребятах человека завтрашнего коммунистического дня. Дети всегда полны нетерпеливого желания стать соратниками на старших. Это нормальные признаки роста. В образе мысли, в характере действий наших юных ленинцев народ видит свои собственные черты и следование самым смелым порывам народной мечты. И истинная страсти пионерской летописи за тридцать лет, видишь, как в делах, по-

ступках, подвигах юных пионеров отразилась жизнь советского народа на всех исторических этапах ее за эти три десятилетия.

Кто, например, не знает подвига Павлика Морозова? В годы, когда жестокая борьба за право жить по-новому, по-советски, решенная на фронтах гражданской войны, еще шла в деревне, разгораясь почасе даже в пределах одной семьи, уральский пионер Павлик Морозов, верный своему долгу маленького революционера, смело пошел против кулаков. Враги советской власти убили отважного пионера. Но светлые имя Павлика Морозова сияют тут же все пионеры, и в Москве, столице нашей Родины, ему поставлен памятник.

Мать Павлика Морозова, Татьяна Семеновна, перед началом Великой Отечественной войны жила в Крыму. Однажды ее навестили пионеры из «Артека». Огромные букеты роз поставили они перед портретом Павлика в домике матери. Долго стоял перед портретом героя-пионера загорелый, круглоблый, большелазый мальчуган из Керчи. Это был Володя Дубинин, который не знал в тот день, что спустя несколько месяцев, когда весь советский народ, от мала до велика, подымется против фашистских обидчиков, сам он, Володя, станет героем подземной партизанской крепости, бесстрашным разведчиком и спасителем замурованного в каменоломнях партизанского отряда... И спустя десяток лет, в его родном городе перед школой, носящей его имя, ему будет поставлен памятник — бронзовый бюст.

Подвиг бессмертен. В нашей стране не утвердился такая жизнь, когда самые высшие признаки подвига — верность своему долгу, настойчивость, отвага, пылкость, самоотверженность — проявляются в труде, в овладении наукой, в искусстве, в преобразовании природы.

Недавно мать Володи, Евдокия Тимофеевна Дубинина, получила письмо из далекого сибирского села Нахряки Ханты-Мансийского национального округа. Пионеры просили прислать им семена цветов, которые растут возле домика Дубининых. Они хотят украсить весь свой район цветами, семена которых прислали с родины Володи Дубинина. Вот какие вехи дают сегодня подвиги наших пионеров, какой доброй, солнечной стороной обращается сейчас слава юных героев, сливаясь со славою юных пионеров дел.

В нынешнем году саратовские ребята спрашивали меня, верно ли, что в Москве строят дом в триста этажей?.. Парень из Джанкоя, заслуженный, обожженного горячим ветром горючка, никогда не отрававшегося в воде, просит сегодня прислать ему учебник по плаванию. Северо-Крымский канал приведет к Джанкою большую воду, и пионер хочет встретить ее подготовленным. Ребята шлют семена для озеленения площадки великих строек коммунизма. Думается мне, что это тоже совсем непохожий на память о новой пионерской славы. И Пioneрия наша создала тысячи и тысячи родников этой кипучей, радужной и

звонкой славы младшего поколения советского народа. Как-то я была у пионеров Пинеградской школы, которая прославилась своим пришкольным садом. «Чудо-сад Пинеград», — шутило величаво его окрестные пионеры.

Директор школы, Александр Тимофеевич Уваров, про которого говорили, что он умеет растить и деревья и людей, позвонил мне со своим садом. Мне был представлен Слава Горчаков, маленький коренастый, со смелыми глазами на серьезном лице — председатель совета пионерского отряда «Юных мичуринцев». С какой деловитой точностью и в то же время с застенчивой лаской говорил «председатель пионеров-мичуринцев» о работе его пионеров в саду. О Пете Вахрушеве, который добился ускоренного размножения ракустолюбивой картофели. О том, как шестилетница Светлана Карташова выпестовала такую гаусту, что качан ей пришлось гашущу с подругой на носиках: он весил более 18 кило, даже когда его отстригли от зеленых анетев. Видел я там растущую из черенка, посаженного в землю, ветку «китайки золотой». Этот опыт упрямю проводил брат Славы Горчакова, Вита, решивший попытаться вырастить такой сорт яблок и груш, который размножился бы, как смородина, — черенками... «Эх, если бы это удалось, можно было бы в несколько лет покрыть садами всю страну!» Вот о чем мечтают пионеры в перерыве с академиком, пионер-учениками, у которых под Москвой выставили дыни, лимоны, виноград, а тысячи годных кустов и плодовых саженцев уже пережиданы в окрестные колхозы.

О новом, сегодняшнем понимании пионерской славы говорят те полные восхищенного волнения многочисленные записки, которые сделаны московскими и ленинградскими ребятами на выставках картин и рисунков школьника пионера Коля Дмитриева. Дети увидели в этом стремительно созревшем 15-летнем художнике пример юного героя нового времени, который наглядно показал неодолимую тягу к творческой деятельности, нравственно-высокую силу, патристическое горение сердца, острый полет фантазии и жажду совершенствования, столь свойственные нашей детворе.

Прежде пионеры называли тех, кто первыми прокладывал дороги и строил мосты в неизведанных землях. Наши юные пионеры помогают нам перекинуть зримый мостик в будущее, в завтрашний день. В подвигах Павлика Морозова, Володи Дубинина, в сегодняшних чудесных делах юных натуралистов по-прежнему отражаются свет, смысл и слава нашей жизни, неформально устремленной к коммунизму. Велюкрыла модель пионерской яхты, выращенный пионером каскагиз под городом Горьким, карта с маршрутом туристского похода, аллея молодых дзрцевцев на дамбе великого канала, возвращенная ребятами, и прежде всего школьный табель, где во всех графах, как бобы в стручке, сидят пятерки, — все это большие и малые, будничные и праздничные дела, из которых вытекает стремительная линия полета наших славных сталинских орлят — юных пионеров нашей Родины.

«...И каждый раз, когда дела молодого графа де Брениа складывались неважно и ему грозили крупные неприятности, на сцене появлялась таинственная Белая дама, которая приданой ей волшебной силой всячески помогала молодому графу.

Таким протекционизмом Белая дама занималась совершенно открыто, оставаясь беззаказной в течение десятков лет. Мало того — она действовала так и в Москве, и в Ленинграде, и в Харькове, и во всех городах Советского Союза, где есть оперные театры. В других городах дама не появлялась, ибо она есть действующее лицо балетного спектакля «Раймонда».

И вдруг против Белой дамы началось суровое гонение... Дело в том, что старый балет обжал всеобщую фантастику. Отсюда, скажем, в «Бахчисарайском фонтане» в последнем акте танцует тень убитой Марии, в «Лебедином озере» девушки превращаются в лебедей и лебеди — в девушек.

Но почему-то не повезло именно Белой даме. Она была объявлена самым опасным мистическим явлением, не совместимым с прогрессом. И ее начали травить Берией — вытравили. Еще верней — ее выбросили из балета.

Либретто «Раймонды» было написано 55 лет назад. Его авторы: Л. Пашкова и М. Петина. Именно на их либретто выдвинулся русский композитор А. Глазунов написал гленительную музыку. Балет пережил своих авторов, все они давно умерли. Но вдруг возникла постинте мистическая ситуация: у покойных авторов появилось множество ныне живых соавторов... Надо отдать должное композиторам: в их среде не нашлось такого, который вырезал у Глазунова пару страниц из партитуры балета, объявив бы себя соавтором музыки балета. А вот среди либреттистов нашлись такие. И не один. В Сталинском оперном театре к покойным либреттистам присоединились в качестве соавтора М. Цейтлин, уничтоживший Белую даму, в Одесском театре — В. Вронский, в Москве — Л. Лавровский, в Алма-Ате — В. Козлов и В. Чернов и так далее.

Мы никак не против того, чтобы постановщики старых балетов искали новые режиссерские решения спектаклей, чтобы либретто совершенствовалось. Но, во-первых, если балетмейстер берется обогатить либретто, то он должен действительно улучшить его, а во-вторых, разве обязательно всегда обогатить себя соавтором давно умерших либреттистов? Скажем, на афише Большого театра стоит балет «Шелкунчик», музыка Чайковского, автор либретто В. Вайнонен. А известно, что В. Вайнонен родился спустя семь лет после смерти Чайковского. Как же это Петр Ильич мог написать музыку на либретто еще не родившегося либреттиста? Нет, Чайковский писал музыку на либретто М. Петина. Но на афише Большого театра В. Вайнонен решительно вытеснил своего покойного соавтора, хотя совершенно ясно, что в корне изменить содержание балета он не мог. Нехорошо! В случае же с «Раймондой» поражаешься количеству соавторов и тому, что они объявились во многих городах Советского Союза. Неужели существовала острая необходимость переписывать «Раймонду» в каж-

дом городе на свой лад? И это в то время, как музыка должна была оставаться одинаковой (поскольку соавторы у Глазунова, слава богу, не обнаружены)!

Попробую разобраться, к примеру, в характере соавторства тов. Цейтлина. Он взял и ввел в балет «Раймонда» совершенно новое тане в наложнице злодея Аберхамана. Его не смущало при этом то, что его тема весьма похожа на аналогичную тему в балете «Бахчисарайский фонтан», ни то, что А. Глазунов дал наложнице Цейтлина не написан ни одного такта музыки. Любопытно «цейтлинские вариации» и в отношении различных деталей представления. Так, например, в изложении содержания «Раймонды», которое переработал Л. Лавровский, утверждается, что на террасе замка графа де Дорис собрались молодые обитатели замка — друзья и подруги Раймонды, и что «беззаботное веселье царит на террасе замка». А вот тов. Цейтлин, враг беззаботности даже среди графских отпрысков, утверждает, что «подруги Раймонды... проводят время за вышиванием, игрой на арфе и чтением романов».

Зачем понадобилось это тов. Цейтлину? Разгадка заключается в том, что человек вынужден исправления в либретто, начинает считаться автором либретто и получает соответственный гонорар. А чего не сделал ради этого!

Странно, что все эти хирургические и культурные операции над классическим балетом не вызвали серьезной тревоги у Комитета по делам искусств. А ведь, что балет — область искусства беззащитная, нашлись художники, которые решили, что им не нужны даже койко-места, и принялись сочинять такие либретто, от которых волосы на голове льдом становятся.

В течение трех лет репертуар Харьковского оперного театра украшает балет «Данко». Музыка В. Нахобина. Автор либретто В. Гавриленко. На заглавном листе либретто сказано, что сие написано «по мотивам Горького». В пояснении «от авторов» добавлено: «Задумывались Вал истоками легенды, рассказанной Горьким, мы пришли к выводу, что она, повидимому (!), возникла из какого-то (!!) зерна древнерусского прощесложения (!!!)».

Декларировав сие, В. Гавриленко при соучастии В. Нахобина произвел над произведением Горького неслыханную по наглости операцию. Из уважения к А. М. Горькому мы не позволили себе даже пересказать содержание либретто. Приведем только одну подробность: взав из «Старухи Изергиль» Данко, а из «Макара Чудра» Радлу. Гавриленко их поменял. А Лойку Зобара, чью зря не балтался и не ревновал, он объявил поборником Данко.

Репертуар Украины разрешил демонстрировать это хулиганство с балетной сцены.

Советский зритель терпеливо ждет новых балетных спектаклей на современные темы. Но в ожидании того, пока такие спектакли будут созданы, не плохо было бы заняться наведением порядка и в старом «балетном» хозяйстве. Нельзя же, право, равнодушно наблюдать, как калечат произведения классиков нашей литературы и музыки во имя открытия текущих счетов.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ГДЕ ОТДЫХАТЬ С ДЕТЬМИ?»

В № 13 «Литературной газеты» за этот год была помещена заметка «Где отдыхать с детьми?».

Начальник Центрального управления курортов, санаториев и домов отдыха ВЦСПС тов. Козлов прислал в редакцию ответ, в котором сообщает, что «в системе профсоюзных имеются дома отдыха для матерей с детьми в Армянской, Узбекской, Киргизской, Литовской, Белорусской и Эстонской республиках и в РСФСР: в Горьковской, Ивановской, Иркутской, Московской, Ростовской и Саратовской областях и в Краснодарском и Красноярском краях. Для детей выделены отдельные помещения и организовано обслуживание отдельно от взрослых».

Однако пропускная способность этих домов отдыха ничтожна — в них отдыхают с матерями лишь около 800 детей одновременно! А в девяти союзных республиках, в том числе на Украине, а также на всем Дальнем Востоке, на Черноморском побережье Кавказа, в Крыму, на Минераловодской группе курортов, на Рижском

взоре таких домов отдыха вообще нет. Тем не менее тов. Козлов ставит вопрос о немедленном расширении сети домов отдыха для матерей с детьми в обязательную зависимость от общего роста числа домов отдыха в стране. Таким образом, остается неизвестным, какие же практические меры для расширения сети домов отдыха для матерей с детьми ВЦСПС собираются предпринять в ближайшее время?

Точно так же не дает тов. Козлов ответа и об организации домов отдыха, в которые можно было бы приезжать семьями.

Тов. Козлов сообщает, что «Центральное управление курортов ВЦСПС намечает в этой пятнадцатилетней организации отдельные дома отдыха для обслуживания рабочих и служащих вместе с их семьями», но не уточняет ни сроков открытия их, ни количества таких домов отдыха.

Мы ждем, что ВЦСПС еще раз обсудит предложение газеты и ищет возможность для расширения в более близкие сроки сети домов отдыха для матерей с детьми и для отдыха целыми семьями.

Владимир ОГНЕВ

ДВЕ ПРАВДЫ

ЗАМЕТКИ О ТРАГЕДИИ ИЛЬИ СЕЛЬВИНСКОГО «ОТ ПОЛТАВЫ ДО ГАНГУТА»

Илья Сельвинский опубликовал в единнадцатой книжке «Звезды» за 1951 г. трагедию в стихах «От Полтавы до Гангута».

Начало XVIII века, озаренная пожарами битв величественная эпоха петровских преобразований, крупная историческая личность Петра I, народ, воздвигавший города на болотах, строявший могучий морской флот, пролагавший дороги в новые земли и в будущее России... Народ, с которого «драли три шкуры» в интересах возвышения дворянского класса и нарождающегося купечества.

Две силы встали перед нами в пьесе Сельвинского: волящий народ и царь Петр. «Из ничтожного духом народа и не мог бы выйти такой исполин, как Петр: только в таком народе мог явиться такой царь, и только такой царь мог преобразовать такой народ». — с гордостью писал Белинский. Но великий царь оставался царем, укреплявшим государство помещиков и купцов, он не мог стать выразителем социальных интересов нарождающегося купечества, и поэтому пьеса Сельвинского вымучена как трагедия.

Две правды столкнулись здесь: правда Петра — строителя новой России и правда народа, будущего против варварских методов, которыми Петр осуществлял это строительство.

Вот Ванька от помещика бежал, А тот помещик нужный генерал. Так что ж у Ваньки:

правда или правденка? Отыбть бы надо воротиться к барам, Корнить, поить, обслуживать задаром Да под кнуты ложиться самому. Иначе — дескать, родину погубишь... Неужли так?

Историческая необходимость была в том, что Петр I строил сильное государство. Историческая необходимость была в том, что на услаивающийся гнет народ должен был отвечать Булавинским, башкирским восстанием, волнениями казачьей волиницы. И вместе с тем в гонимую иноземных нашествий силоченный народ грядущее встает

вал «за Русь», отстаивая и укрепляя национальное государство, поддерживая царя в его исторически прогрессивной преобразовательной деятельности. Но нужны были века классовой борьбы, чтобы победила одна великая правда: народ стал хозяином государства — тогда и только тогда трагическое противоречие между интересами государства, с одной стороны, и народа — с другой, оказалось снятым.

Такова, думается, концепция автора, лежащая в основе трагедии. Какие бы сцены ни предстали перед нами: Полтавская битва, морское сражение при Гангуте, повстание народного вождя на юге России, проклятия английских дипломатов, заговор черквы и реакционного боярства против петровских реформ.

Народ... О нем, о его роли в истории не могли не думать такие выдающиеся государственные деятели, как Иван Грозный или Петр.

Победы я хочу родному краю, А деньги суть артерии войны. Кто ж казнить? На ком искать вина? ...Пусть мужики себе натерли вым... А как иначе? А иначе как?..

Это говорит Петр. Но если литейных дел мастер Чохов (в «Дионисовой пьесе») в ответ на тревожный вопрос Грозного не уйдет ли мужик из России, может только заверить царя в верности народной: мужик, мол, не Бурбский: «что этакую Русь-то? Вот: рубаха! А мужику-то: шкура», то ввук его, бутарь Никита Чохов, князя на стоящих рядах дворян, говорит Петру: «Я думал, государь, ты можешь все... Я думал, царь поверг всего на свете! А ты... А ты таков же, как и эти». И в битве при Гангуте, бросаясь в бой, он в ответ на призыв: «За государя! Друг!» буркает: «Ага. За Русь». Значительно это разделение понятий: царь и Русь не одно и то же!

Могут возрабить, что автор «улучшает историю», что его герой — народ вообще осоружен, что ему часто приписаны мысли, свидетельствующие об отнюдь не высоком развитии общественного мышления, чего не могло быть в начале XVIII столетия. Это весьма вероятное возражение ложно, однако, в своей основе. Да, русский мужик того времени в своей массе

был забит и неграмотен. Но ведь и в применении к истории — типическое неравнозначное массовому. Народ мог выдвигать и выдвигал из своей среды людей высокого общественного сознания. Разве Иван Писоков или Михайло Ломоносов не являются выразителями самых лучших, самых глубоких и существенных взглядов всего русского народа XVIII века? Почитай! «Блугу о скудости и богатстве» — «допомнение Петру I». И. Писокова. Сколько трезвых и острых наблюдений из области экономики, права, отношения к иностранцам! В высказываниях И. Писокова и других самородков, представителей русской общественной мысли, сказаны ясные, пытливые ум народа.

Петр у Сельвинского не может не думать о народе, как народ не может, порою в очень напыленной форме, не думать о себе, как об общественной силе. И в самом деле, разве мог Петр не учесть опыта неавстрийских «матей» Булавина, башкирского восстания? И потому полунутся царь, озирая расползающиеся свои войск в раннее утро под Полтавой: Что притворяется? Здесь игол воевал! Здесь сорок тысяч русских мужиков Сейчас решат, куда полетит Россия.

И вдруг эти «сорок тысяч» «припомянут барщину да батог?»

Здесь, нам кажется, то новое, что вносит в трактацию образа Петра И. Сельвинский. Образ царя (Иван Грозный, Петр I) дается прежде всего в раскрытии его отношения к народу, в тех его качествах, которые позволяют судить о стремлении великого человека проникнуть в смысл исторических условий и умения его правильно использовать эти условия.

Реформы Петра не были и не могли быть произволом одной выдающейся государственной личности. Россия была подготовлена к преобразованиям Петра всемоходем национальным развитием, государственным актами эпохи Ивана III и Ивана Грозного. Реформы Петра, действительно радикальные и смелые, не являлись по своей сути реформами «западничества», напротив, они были логическим продолжением политики централизации русского государства, политики, продиктованной насущными потребностями

ми развития нации. В этом смысле концепция Ильи Сельвинского не вызывает возражений. А именно в ней — главный пафос трагедии «Ливонская война» и «От Полтавы до Гангута».

2. Драма, помноженная на стих, — едва ли не самый трудный вид поэзии, требующий незаурядного мастерства от автора. Как же справился И. Сельвинский с этой задачей?

Особенно выразительными кажутся нам образы Чохова, царевича Алексея, шута Балакирева, Меншикова.

Сила лучших произведений классических и советских на историческую тему — в органичности слияния правды исторической и «человеческой», т. е. характера, взятого в его исторической конкретности.

Другое дело — как понимать правду историческую. Для художника истинное постижение — это и следование сохраненным документам, и фольклор, и народная память. Если шута Балакирева — выходца из низов — в народных легендах обличают с Петром, а не с Елизаветой (а документально установлено последнее), значит, бесстрашные авторы этих легенд хотят, чтобы представитель народа стоял рядом с яркой и величественной фигурой царя Петра, а не с мало чем примечательной Елизаветой. Для народа правда поэтическая — не только то, что было, но и то, в чем видит народ воплощение своих исторических чаяний. В драме И. Сельвинского Балакирев — горный инженер по образованию, но идет в шуты. Почему? Он знает, что здесь он нужнее Петру, — царь должен знать правду о казнокрадстве Меншикова, о засильи иноземцев, о притеснении простого люда дворянством. В пьесе у Балакирева — важная функция: он и рупор автора. Через него поэту естественнее дать оценки Меншикову, Алексею, участникам монарше-боярского заговора. Если Балакирев — ум автора, то фольклорный Петр Ганнибал — его чувства. Через лирическое, эмоционально окрашенное события восприятие Ганнибала Сельвинский получает возможность передать краски, колорит, «воздух» эпохи. Ганнибал... В этом пылом юноше уже проглядывает что-то тонкое, поэтическое, в нем уже предугадывается предок великого поэта. Сколько истинной поэзии в этом предчувствии Ганнибалом кровавой битвы;

Как страшно поле маками цветет... Их похолодил дьявол такой. Их похолодил От этого похорова Дыханье у Храброго светел.

А как юн оловени в полумраке! Как тягости! Откуда знает маки. Что и цветет бой? К чему им было шесте? Да и цветы ли, вправду, эти пятна?

Требование исторической правды предполагает не копирование в художественном произведении форм языка отдаленных времен, не мертвый язык детописей и приказов, а угаданный образ мысли изображаемой эпохи, выраженный средствами современного литературного языка. Воспроизведение не буквы, но духа, характера времени. Что это означает? У характер Писмена не есть мое изобретение, — писал Пушкин. — В нем собраны я черты, пленявшие меня в наших старых летописях... Для Пушкина нет деления на историческое и «человеческое», ибо что такое характер вне примет времени, вне истории!

Удачи Сельвинского в последней трагедии, — там, где угадан «образ мысли» эпохи, где фраза имеет исторически конкретный подтекст. Послушайте, как говорит царевич Алексей в четвертой картине, и он встанет перед нами, как живой. Не юродивый (как его объяснял Костомаров), не расчелый и хитрый враг Петра (каким выгянет он у историка Погодина). Нет, здесь он сложнее, как характер: Алексей как будто и неглуп и неробок, но вместе с тем ограничен, жесток, перепителен. Он то занхит с отцом, уже вступив в тайные сношения со шведами: «Ах, батюшка! Родичий! Дай мне волю! Когда, бывало, утром выйдут к полю и вдруг ко мне сбегутся васильки...». То с холодным расчетом командует себе: «Внимание. Алесиа: раз, два, три!», простреливая руку, чтобы «ответы пожалованный менчик», не итти на Ригу с войском.

Борьба Петра за Алексея — одна на важных коллизий трагедии. Источники трагедии Петра в том, что Алексей не может, да и не стремится понять смысл деяний царя, стать преемником его исторического дела.

Я чувствую смертельную угрозу: Кто раскрывает пальцами бутон, Тот получает осып, а не розу. В руках Петра — я вот чего боюсь — Осыплетс родная наша Русь, — говорит Алексей.

Царевич — враг не личности Петра, он враг пути, на который вступила Россия, силой враг прогресса. «Ты сам того не знаешь, как ты страшен!» В этих словах царя, обращенных к сыну, — боль, и гнев, и тревоге предчувствие возможности «спасения» царевича.

Реальные коньки, иконопись, вышиванье «по перерити»... Алексей цепляется за русское искусство, за «ось древности» не потому, что он русский, что ему чуждо все иностранное.

Нам, сегодняшним читателям, кажется глубоко чуждыми многие неурисские формы, в которые заключал Петр свои начинания, но суть, отвечающая интересам народа... Да, в окно, широко распахнутое в Европу, ворвался не только свежий ветер морских просторов! В него ползли и чужеземные проходимцы, честолюбивые авантюристы, тушие, спесивые «учителя», которые не на одну сотню лет отравили вершину русского общества телесловным духом «чужбесия», приносили России столько неисчислимых бедствий!

(Кстати, нам кажется, что И. Сельвинский делает ошибку — «улучшает» Петра, заставляя его все понимать и в этой части проблемы реформации русского общества. Многие реплики Петра в трагедии противоречат объективному смыслу его исторических усилий, порою слышное ссацо, слышко рабски копировавших формы «европеизма»).

Нет, Алексей не был той фигурой, которая могла бы противостоять Петру в этом его потакании «чужбесию». Царевич цепляется за русское искусство, он мечтает, чтобы уйти от вопросов времени, а они требуют ответа... «Нам нечему у Запада учиться: у них наука, а у нас господь!» — почти кричит он. Но знаменательная логика событий: именно он, Алексей, в страхе перед торжествующей на Русь козницей, вступает в спор с шведским министром Герде, обещая за границу молить о заступничестве перед отцом императора Карла VI.

Никогда не бывало красивее восстание национального духа, хотя оно частично выступало под флагом «защиты национальных интересов»!

3. Произведение искусства всегда остается производимем-искусства. Художник дол-

Повесть о вожатом

Елена УСПЕНСКАЯ

О чем труднее писать: о буднях или о праздниках? Казалось бы, бесспорно — о буднях. Но чем больше задумываешься, тем яснее видишь, как постепенно в нашей стране теряет свое былое значение слово «будни», как изменилось значение слова «праздник». Изменилось то, что отличало эти два понятия, — труд стал праздником. И чтобы хорошо написать о буднях, надо уметь чувствовать их праздничность.

Отличное знание повседневной жизни детей и ощущение праздничности их будней помогли молодому литератору Татьяне Печерниковой создать хорошую и вдумчивую книгу «Повесть о старшем друге».

В основе повести лежит документальный, безусловный, точный и интересный материал — история восстановления Калининграда. Герои книги носят вымышленные имена, но так же, как и многие Калининградцы узнают в книге описание дома, который они восстановили, сада, который посадили, так же узнают они и вожатого Бориса — героя повести, и учительницу, и садовода, заводских мастеров и рыбаков.

В решении пеленума ЦК ВЛКСМ о пионерской работе уделено очень много внимания роли пионервожатого. И некоторые детские писатели, наверное, почувствовали укоры совести, вспоминая, как выглядят эти герои в их книгах. Надо сказать прямо — почти в каждой детской книжке они есть. Но создается такое впечатление, что только в последнюю минуту редактор и автор спохватились: «Бабушки, а вожатый?». И поспешно выискали его в книгу, но заметки того, что точь-в-точь такой же уже фигурировал не в одной, а во многих книжках. Очень похожи они между собой. И дела у них одинаковые. А между тем насколько, например, отличается работа вожатого в школе большого города от работы вожатого сельской школы. И пишется вожатый в детских книжках неизменно легко.

С первой же минуты пионеры любят их, уважают, слушаются. Нередко пошатал, но тотчас исправится. А спросите наших вожатых, что значит для них первая встреча с отрядом. Как обычно увидит скачущие глаза во время пионерского сбора, который ты готовил с таким трудом. Как горько, когда пионер твоего отряда совершил серьезный проступок, получишь выговор.

Герой повести Борис получает комсомольское поручение — становится вожатым пионерского отряда. Положение у Бориса нелегкое, потому что его братишка, состоявший в этом отряде, не очень-то стесняет Бориса за старшего, остер на язык и непереставая снижает авторитет старшего брата перед своими одноклассниками. Только теперь Борис начинает понимать, насколько у него нехватает выдержки, терпения. Пока дома он не ладил с братишкой, это казалось ему несущественным, но тут он понимает, какие качества необходимы ему, как много он должен знать.

Работа в отряде делается интересной лишь тогда, когда она тесно связана с учебной, с школьными делами и с жизнью родного города. Калининград — город со сложной историей. Крутом развалились, все надо создавать заново. Пионеры понимают, что порученные им дела не придуманы (как это порой случается) для того, чтобы занять их, а жизненно необходимы. Если самое будничное дело освещено благородной целью, оно делается интересным, и завершение его превращается в праздник.

Пионеры из отряда Бориса расчищают площадку, отвозят в тачках кирпичи. Это трудное, однообразное занятие. Но ведь они

освобождает из-под развалин землю, на которой посадят деревья, и взрослым станет легче, если пионеры им помогут.

сразу тачки движутся быстрее, и лица у ребят веселее...

Пионеры делают много разнообразных дел, много видят, о многом знают, — и в книге это не выглядит как навязчивый каскад «мероприятий». Не пронутишь, а вдумчиво и просто повествует автор о том, как участв ребята, как помогают друг другу.

День за днем бежит школьное время, и мы всегда помним о главных героях книги и тревожимся за них. Как справится Борис со своей работой в отряде? Как сложится жизнь Валерки и его учительницы? Существующие между ними отношения — не нарочито придуманные. Это сдвинутые друг к другу человеческие судьбы — осиротевших во время войны мальчика и женщины. Т. Печерникова говорит о них сдержанно, немногословно, для раскрытия характеров этих любимых своих героев находит выразительные сцены, точные слова.

Запоминается такая сцена. Учительница Нина Владимировна говорит Борису, что Валерка очень похож на ее сына. Борис смотрит на карточку и видит, что сходства между ними, в сущности, нет, но молчаливо соглашается с тем, что в самом деле Валерка походит на того, кто снят на карточке. Он понимает, как тоскует любимая учительница о погибшем сыне, угадывает, как ей хочется, чтобы Валерка был похож на него. — она думает усвоить мать чуждана. И прочитав эти скупые строки, читатель понимает, что Борис вырастет чужим человеком, сумеет, если это будет нужно, спрятать от близких горе, сумеет искренне вольнуться за другого.

Книга Т. Печерниковой перенесена героями, и не для каждого из них она находит выразительные слова. Меньше всего мы представляем себе образы ребят из детского дома в Москве, куда приглашают в гости Валерку. Взрослые уходят автору слабее, чем ребята. Огорчает появление все той же традиционной уютной и доброй бабушки, которая с удивительной для ее возраста выносливостью вот уже который год перебирается из одной детской книги в другую...

Повесть недостаточно стройна и компактна композиционно. В ней есть несколько стандартных эпизодов, разговоров, которые тормозят действие. Неудачным, нарочитым представляется драматический эпизод с Валеркой, который убежал, совершив дурной поступок.

Думается, что редактор книги Л. Хотковский мог бы гораздо больше помочь автору. В тексте встречаются неточные слова, шаблонные обороты речи, которые засоряют в общем простой, хороший язык книги.

Неубедительным представляется решение одного из важных вопросов, поставленных в книге, — выбор профессии Борисом. Почему он решил стать именно педагогом? Чтобы избрать профессию учителя, надо не только любить работу воспитателя, но и тот предмет, который будешь преподавать.

А об этом в книге почти ничего не сказано, и если молодые читатели повести станут мечтать о профессии учителя, то эти мечты вызовут скорее образ Нины Владимировны, нежели недостаточное мотивированное решение Бориса стать педагогом. Но зато многие из ребят захотят стать вожатыми, такими же, как Борис, и работать так же, как он.

В Литературном архиве

В Центральном литературном архиве закончилась продолжавшаяся одиннадцать лет обработка собранных материалов. Разработаны, изучены и описаны десятки миллионов листов документов. Это документы 1922 писателей, композиторов, художников, кинематографистов, архитекторов, журналистов, различных литературно-художественных организаций.

...Тонкий лист старинной писчей бумаги, пожелтевший от времени. Трудноразборчивым, мелким почерком начертано:

«Это надежда нашей словесности, боюсь только, чтоб он, вообразив себя взрослым, не пошел себе созреть. Нам ведь надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который все нас перерастет. Ему надобно непременно учиться, и учиться не так, как мы учились... Он валился в руки мое послание, которое отдал мне в виде — прекрасное! Это лучшее его произведение. Но и во всех других виден талант необыкновенный...»

Письмо это о юном Пушкине, написанное В. Жуковским, хранится среди многих других писем крупнейших деятелей культуры пушкинского времени и автографов самого поэта в архиве Вяземских. Здесь — автографы пушкинских стихотворений «Жив, жив курляк!», «Когда Потемкину в потемках я на Пречистенке найду», стихотворение П. Вяземского «К ним» с серьезной похвалой Пушкина, свидетельство очевидца о его похождениях и беспримечном по своей наглости письме Дантеса к Николаю I с просьбой о поощрении семьи Гончаровых к выплате ему аванса в счет приданого Е. Гончаровой. Фонд содержит также автографы К. Рыльского, В. Кокшубекова, Н. Тоголя, более 22 тысяч писем, в том числе письма Н. Карамзина, Василия Пушкина, Е. Баратынского.

Все это — лишь небольшая часть собранных Литературным архивом документальных материалов, относящихся к XVIII, XIX и особенно XX веку. В особых коробках, на стеллажах, покрытых специальным составом, предохраняющим от воспламенения, бережно хранятся бесценные реликвии нашей отечественной и мировой культуры — рукописи, письма, рисунки, фотографии, книги с автографами. Здесь сохранены подлинники Михаила Ломоносова и Чарльза Дарвина, автографы Петра Чайковского и Франца Листа, «Окна Роста» Владимира Маяковского и книги с надписью Анри Барбюса.

Из других значительных личных архивов в первую очередь должен быть назван Лермонтовский фонд, который, помимо отдельных автографов, содержит различные биографические сведения о поэте. Имеется черновик стихотворения «Смерть поэта». Основным и единственным в Советском Союзе по своей полноте является архив Н. Чернышевского. Описано более четырехсот пятидесяти рукописей великого критика, революционера (роман «Что делать?», статьи, дневники) и свыше тысячи его писем. Основным в нашей стране является и собранный в Центральном литературном архиве Тютчевский фонд: около трехсот стихотворений поэта, переписка, альбомы. Весьма обширны собрания документов Н. Лескова, Д. Мамина-Сибиряка, Г. Успенского, А. Куркина, В. Брюсова. Почти столетие охватывают документы фонда Аксаковых. Бережно сохранено и одно из крупнейших собраний рукописей и писем А. Чехова.

Сейчас ведется большая работа по собиранию архивов советских деятелей литературы в искусство.

ЛУЧШИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН СТРАНЫ

В Москве состоялось собрание работников книжной торговли, посвященное вручению переходящего Красного знамени Совета Министров СССР лучшему книжному магазину страны — № 59 на Арбате.

Коллектив магазина систематически организует торговлю книгой непосредственно на предприятиях, в клубах, дворцах и домах культуры. Особое внимание уделяется массовому распространению книг о москвичах — новаторах производства. Только за три месяца магазин продал десять тысяч таких книг.

Полугодовой план товароборота магазина выполнен досрочно — 10 мая.

УОЛЛ-СТРИТ В ЛИЦАХ

В павильоне Генеральной Ассамблеи ООН во Флориде, близ Нью-Йорка, в фойе для делегатов было темно. Серые пыльные ковры и задрюченные им в тон стены заглушили голоса, и в фойе царил ровный глухой гул. Делегаты стояли вплотную друг к другу, и английский представитель Макнейл, давно уже мертвецки пьяный, хотя время едва еще перешло за полночь, никак не мог найти в толпе дорогу к спасительной стойке бара. Министры, журналисты и именные гости, приглашенные председателем Ассамблеи, толкались в фойе, словно в вагоне Нью-Йоркского подземки.

Но в одном из углов было просторно — вокруг глубокого плюшевого кресла образовалась широкая прогалина. Стоявшие в первом ряду, почтительно склонившись к креслу, поминутно отпихивали наспирину сзади. Кокетливо откинувшись на спинку кресла и вытанув покрытые блестящими восточными рукавицами руками, заросшие седым пухом, здесь сидел высокий худой старик, лет восьмидесяти, с узким, словно сдвинутым с боков лицом, с золотым переносицей на бледном тонком носу.

Объектом почтительнейшего внимания западноевропейских и латиноамериканских министров, дипломатов и журналистов был Бернард Манс Барух, крупнейший воротила Уолл-стрита, биржевой спекулянт по профессии, поджигатель войны по призванию.

Биографы Баруха льстиво называют его: «сказочное дитя финансового мира». Но ничего сказочного никогда не было и нет ни во внешнем облике, ни тем более в деятельности этого крупного дельца Уолл-стрита. Барух любит, чтобы его считали представителем американской поменьшей аристократии, владим «южным бурбоном». Действительно, происходит он из штата Южная Каролина, центра воинствующих плантаторов-рабов, и по сей день имеет там крупное поместье. Но деловая жизнь Баруха прошла на Нью-Йоркской бирже и в правительственных учреждениях Вашингтона.

Торгуя акциями мормоновских, гугенгеймовских и прочих компаний, Барух нажил к тридцати годам свой первый миллион. Барух быстро «рос» в своих баппаках», как говорят американцы. Спекуляция шла удачно, и баруховские вклады в банки росли, как снежный ком, пушенный под гору. Но все это было не то. Не было большой сносительной удачи, того, что американские дельцы и финансисты называют «бонанза» (алмазная россыпь). Многоопытный дельца Барух чувствовал, где искать ее. «Если хочешь добиться успеха, обращай свои взоры туда, где раздается гул орудий...» Циничная эта заповедь Баруха стала девизом, негласно начертанным на фронтоне каждого банка, каждой конторы на Уолл-стрите.

Смертоносный гул орудий уже раздался над полями Европы — 1 августа 1914 года открылась кровавая страница в кровавой истории империализма. На Уолл-стрите начало войны вызвало радостные предвкушения: наступила пора военного бизнеса, самого прибыльного бизнеса для банкиров, заводчиков и помещиков.

Уже в 1914 году банкирский дель «Дж. П. Морган и К°» отправил в Европу компаньона Моргану Генри Дэвисона для переговоров относительно финансирования военных заказов англо-французской коалиции. В начале 1915 года первые партии американского снаряжения уже прибыли в Европу — на фронте начали рваться снаряды с маркой «Made in USA». Банкирский дом Морган стал главным торговцем представителем стран Антанты в Америке. Агенты Морган закупами все, что могло потребоваться воюющим державам, — от безприпасов и амуниции до кормового зерна и мясных консервов. К лету 1915 года стоимость ежедневных закупок составляла десять миллионов долларов. В этих мормановских операциях принимало участие 60 уолл-стритских банкиров. За период, предшествовавший вступлению США в первую мировую войну, только Англия и Франция банкирский дом Моргане предоставили займов на полтора миллиарда долларов.

В Америке говорят, что сердце банкира там, где его деньги. Магнаты Уолл-стрита и их ставленники и агенты дельно следили за судьбой своих займов, процентов, дивидендов. Когда обстановка на фронтах движалась не в пользу Англии и Франции — основных должников, а миллиарды долларов, вложенных американскими биржевиками в войну, оказались под угрозой, Уолл-стрит решил вмешаться. Тем более, что прямое участие в войне, как полагали на Уолл-стрите, открывало еще более заманчивые перспективы перед деловыми кругами.

Посол США в Англии Уолтер Хейне Пайлж телеграфировал президенту США Вильсону 5 марта 1917 года: «Международное финансовое положение является угрожающим для финансовых и промышленных перспектив Соединенных Штатов... назревает опасность полного надувания франко-американского обмена. Неизбежное следствие этого явится резкое снижение заказов со стороны всех союзных правительств и практически полное прекращение трансатлантической торговли. В результате в США начнется кризис... Если Соединенные Штаты объявят войну Германии, то... США продолжат бы поддерживать и расширять свою торговлю до конца войны, а после войны Европа покупала бы в США продовольствие и огромное количество материалов для переоборудования ее мирной промышленности. Таким образом, Соединенные Штаты продолжат бы непрерывно получать прибыль и расширять свою торговлю в течение ряда лет...»

В заключение Пайлж вновь повторил, что «единственный путь для сохранения нынешнего преимущественного положения США в торговле и для предотвращения кризиса состоит в объявлении войны Германии».

Чью точку зрения отражал Пайлж, видно из того, кто ему платил. Крупнейший американский фабрикант вооружений Додж, являвшийся одним из главных акционеров «Нэшнл сити банк», ежегодно выплачивал Пайлжу за время пребывания последнего на посту посла США в

2. Кровавая жатва

Лондоне по 25 тысяч долларов из своих личных средств.

Пропанга Уолл-стрита на весь мир вошла о том, что США вступают в войну, чтобы покончить с кровопролитием и прекратить страдания народов Европы. Ничто не может быть дальше от истины, чем это лицемерное заявление. Еще в апреле 1915 года главный партнер Морган — Томас Ламонт выступил с речью в американской Академии политических и социальных наук в Филадельфии, в которой доказывал, что чем продолжительней будет война, тем больше выигрывает из нее Уолл-стрит. Ламонт откровенно заявил, что затеяка войны имеет «важнейшее финансовое значение для страны». «Если война продлится столь долго, — захлебывался в предвкушении огромных прибылей Ламонт, — что нам удастся занять такое положение (при котором США переплатит в кредитору всего мира... В. М.), и если у нас будет достаточно ресурсов, чтобы справиться с этой задачей, тогда мы неизбежно превратимся из страны-должника в страну-кредитора, и подобный рост рано или поздно приведет к тому, что международная валютная единица вместо фунта стерлингов станет доллар...»

Сделать доллар властелином мира — вот какую задачу ставил перед собой Уолл-стрит. Поэтому не о мире, а о догадой прибыльной войне, рассчитанной на установление в конечном счете мирового господства американских банкиров, металла под крышами уолл-стритовских небоскребов.

Но вернемся к Баруху. Для Уолл-стрита организация наживы на тонке вооружения и военных поставках

бывал он и себя — бое-какие дельцы, которые о «провернуть», нахался на посту руководителя совета по делам военного производства, выходили за рамки закона, и люди, освещенные в закулисных делах, называли их «грязными дельцами». Но Баруха это не смущало — ведь деньги не пахнут, а брать на вероту не виснет, особенно если вы в Америке и на текущем счету у вас числится суммы с большим количеством нулей...

Уолл-стрит наждался на первой мировой войне, как не наживался он ни на одной войне до того. «Военные барыши были чудовищно велики», — писал известный американский журналист Даянберг. Военные расходы США с апреля 1917 года по ноябрь 1919 года составили 35,5 миллиардов долларов. Прибыль же корпораций с января 1916 года, когда Уолл-стрит начал готовиться к вступлению в войну, по июль 1921 года, когда в США было прекращено военное производство, достигли 38 миллиардов долларов.

Когда пушки отгремели и первая мировая война окончилась, Барух не сошел со сцены в Вашингтоне. В составе американской делегации он отправился на Версальскую конференцию.

После войны биржевик Барух вернулся на фондовый биржу. Большие «дела» ожидали Баруха на Уолл-стрите. К этому времени услужливая американская печать создала ему славу недюжинного знатока американской экономики, одного слова которого якобы достаточно для того, чтобы обогатить спекулянта. Правда, слава непогрозного оракула, укрепившаяся за Барухом, ушла в 1929 году. Весной этого года Барух написал статью, в которой он предсказывал длительное экономическое процветание и даже полную ликвидацию «циклического развития экономики», как деликатно называют на Уолл-стрите жестокие экономические кризисы, периодически потрясающие Соединенные Штаты. Через полгода в стране разразилась кризис, а мелкие спекулянты, доверившиеся «оракулу» Баруху, начали выбрасываться из окон небоскребов на мостовую Уолл-стрита.

По Баруху не унывал — он сумел надуться даже на разоренных своих незадачливых коллег. Утверждают, что в один из фатальных дней осени 1929 года Барух, играя на понижение курсов акций, «очистил» для себя полмиллиона долларов прибыли. В эти последние дни, дождавшись за «черной пятницей», состояние Баруха умножилось в несколько раз. Размеры этого состояния не знает никто, но на Уолл-стрите есть люди, готовые голову проложить за то, что Барух «стоит» не менее пары сотен миллионов.

Это было грозное время для Уолл-стрита. Жесточайший кризис, страшная безработица, разорение тысяч мелких фермеров привели страну на грань яростного взрыва. Биржевики почувствовали на своих жарких щеках огненное дыхание народного гнева. Корабль Уолл-стрита начал лавить опасный крен. Барух понял смертельную опасность. Он бросился в Вашингтон к президенту Гуверу: речь шла о том, чтобы совместными усилиями отстоять интересы Уолл-стрита.

Барух, который, по словам его биографов, «чужако хотел быть чем-то большим, нежели только спекулянтом», и которого уже давно подтачивало амбициозное желание стать «признанным государственным деятелем», стал постоянным советником президента Гувера. Но спрашивалому замечанию одного американского журналиста, в политическом отношении Барух представлял собой амфибию, «чувствующую себя, как дома, в обеих партиях». Оно и неудивительно. Известно, что в обеих партиях крупного капитала — республиканской и демократической — командуют финансирующие их крупные капиталы. В 1934 году Бернард Баруха, неслыханно нажившегося на первой мировой войне, назначили председателем комиссии для подготовки законов, направленных на то, чтобы «прекратить наживу на войне»... Факт, едва ли нуждающийся в комментарии!

Барух всегда оказывал и продолжает оказывать дозволенное влияние на внешнюю политику США, направляет ее по пути агрессии. В годы первой мировой войны и периода, последовавшего за ней, Барух был одним из тех воротил Уолл-стрита, которые вместе с Даллесом, Гербертом Гувером и десятками других слуг крупного монополистического капитала управляли империалистической интервенцией против первого в мире Советского государства.

Роль Уолл-стрита в вооруженной интервенции против Советской России широко известна. Президент Вильсон, состоявший на службе у Морганов, немало потрудился над тем, чтобы развязать империалистическую интервенцию против Советского государства, которую матерый империалист Черчилль окрестил «походом 14 держав». Президент мормановского банка Ламонт, бывший советником Вильсона на Версальской мирной конференции, Джон Форстер Даллес, входивший в состав американской делегации, верный слуга монополий Герберт Гувер и другие принимали непосредственное участие в разработке планов борьбы с молодой Советской республикой. Эта кровавая интервенция дала Уолл-стриту новые сотни миллионов долларов прибыли.

Возглавляемый и направляемый Уолл-стритом кровавый поход империалистов против молодого Советского государства закончился жестоким провалом его организаторов и вдохновителей. Советский народ вышвырнул из страны наемников доллара и их ставленников. Но Уолл-стрит не сложил оружия. Финансовые магнаты США, вступив в союз с русскими королями угля и стали, решили свою главную ставку сделать на Германию, которая, по их планам, должна была превратиться в очаг новой войны. Однако об этом в следующей статье.

В. МОРЕВ

Л И Т Е Р А Т У Р Н А Я Г А З Е Т А № 60 17 мая 1952 г.

Рис. Бор. ЕФИМОВА

ДЛЯ СТРОИТЕЛЕЙ КАХОВСКОЙ ГЭС

КИЕВ. Республиканская база «Укринторг» отправляет для книжных магазинов и киосков строительства Каховской ГЭС очередную партию литературы. Среди отобранных книг — сочинения классиков марксизма-ленинизма, произведения клас-

сиков русской литературы, стихи, повести и рассказы советских писателей, а также техническая литература.

Только в первом квартале на строительные поступило и было распродано свыше ста тысяч книг.

жен иметь собственную поэтическую задачу, которая в какой-то мере всегда емче, шире задачи чисто исторического исследования. Ведь объект художника — вся плоть истории, выраженной в людских судьбах, характерах. Поэтическая задача и уже в том смысле, что ей нужно «одно звено» истории, нужен лейтмотив, сквозное действие — тема, какой является в обеих трагедиях Сельвинского тема океана... Океан грезится Грозному, его образ повсюду преследует царя. Но распахнулась «серебряная даль» перед взором Петра:

Я плачу, братцы... И не стыдно мне... Волна морская нынче в нашем быте, Порвал свои верения велики! Кто в силах осознать все событие? (С нестойкой силой) Россия!

Эхо: Ты вышла в океан!

Это сказано сильно. Большое искусство в и сцене, когда раненый Карл без войска, без денег азартно бросает монету — оред ли решка? — маньяк, авантюрист, самовлюбленный космополит, — сколько смысла в этом эпизоде, раскрывающем беспечность, историческую обреченность всякого политического авантюризма.

А сцена подпоро «математика» Чохова, которому царь еще по Полтаве обещал милость в счет будущих грехов... И вот его прозрение на царевой дыбе: нет правды обшей у царя и у народа... Полны драматизма сцена объяснения царя с сыном и ряд других мест в трагедии.

Однако аляско не вся трагедия является пример художественной законченности. Одна из причин этого в неполной художественной мотивированности происходящего, в распыленности поэтической задачи, которая граничит с избыточностью и поэтому дробит эту задачу.

Нитрига пьесы, собственно действие развивается по нескольким главным направлениям: народ (Чохов) и Петр — линия «двух правд», Петр и Алексей — проблема прогресса. С фигурой Карла XII связана тема интереснейшей, противоположные исторической закономерной и патристической идеи централизации государства (образ Петра) и беспечной проективности, агрессивного космополитизма (образ Карла XII). В трагедии не все собрано в один драматургический узел. Государственные

усилия Петра и протест народа против жестокой эксплуатации составляют основу произведения, но линия эти недостаточно стилизуются в развитии драматического действия. Вся же «авантюристическая» линия: любовь денщика Петра — Огнёва к авантюристке-фрейлине, мечтающей о московском престоле, 7-я картина, рисующая молдавский стан раненого Карла XII, важная по идее, но выпадающая из действия, кажутся нам слабыми сценами. — либо мелодраматическими, либо аляповатыми.

П. Сельвинский обратился к громадному историческому материалу, поднял массу сложных вопросов. Но не все органично преодолелась связь между художника.

Многие монологи Петра, реплика их генералов воспринимаются как рифмованные пересказы исторических документов. Трагедия порою нехватает взлета, той внутренней свободы дыхания, которые так пленяют нас в могучих драматических сочинениях. В ней хочется чувствовать больше трепета непосредственного ощущения жизни. Есть в пьесе и герои, не ставшие необходимыми: это, пожалуй, Мазепа, министр Герц, Ян Собеский. Заметен и схематизм в изображении ряда персонажей (Ромодановский, Ягужинский, Голицын легко стираются в памяти, они слабо индивидуализированы).

Еще один серьезный недостаток. Сельвинский не везде сумел проникнуться духом времени, модернизировал места в образ мыслителя и формы речи героев. Думается, от старых эстетских ошибок И. Сельвинского, а отнюдь не от характера речи Петра — ясной синтаксически — идут царевы реплики, вроде: «Бараны бьют. Верста сапог уже гремит горохом», или такие филологические остроты Чохова: «Не ший я, во пролятия». Тут нужно различать.

Единственная высокая правда искусства — это правда жизни. На прошлое нужно (да и нельзя иначе, не получившись) смотреть глазами нашего современника, борца за сегодняшние идеалы. Но торпидно прошлое стать настоящим — занятие бесцельное, равносильное тому, чтобы пытаться «раскрыть пальцами бутон», не осылав при этом розу.

И сила и слабости последней трагедии П. Сельвинского органичны и поучительны.

ны. Поэт прошел сложный творческий путь. Тага в философском осмыслению жизни — ценное качество П. Сельвинского как поэта. Однако оно часто обесценивалось тем, что поиски особых форм поэтического выражения поэт начинал вне пределов социального реализма. Только человек предубежденный может не заметить, как далеко ушел сегодняшней Сельвинский от Сельвинского «Улыбавщины», «Нао-Нао», «Командарма-2», «Пушторга», от произведений, где индивидуалистическая замкнутость, ограниченность проявлялась при постановке, казалось бы, широких общественных тем.

Та условность, абстрактность, которая присуща некоторым образам трагедии, — не является ли она отзвуком ложной «теории» социалистического символизма, которую некогда отстаивал поэт?

Если попытаться определить жанр трагедии Сельвинского, можно найти в нем элементы философской драмы для чтения и элементы авантюристы пьесы. С одной стороны, это характеры, возведенные до символа; Петр — не только конкретное историческое лицо, но и воплощение идеи государственности, как Чохов — олицетворение народа, а Ганнибал признан определять как бы место «искусства» в этой системе сил. С другой же стороны — Софья Ситт, Огнёв, Гамилтон, Мазепа. Это — «ампула», но не характеры.

Думается, что в этом, а также и в недостаточной напряженности драматического действия, кроется главная причина сценической сложности трагедии П. Сельвинского.

От Полтавы до Гангуты хочется видеть на сцене, с которой может идти спьяно прозвучать мастерский стих П. Сельвинского. Но это требует значительных усилий и театра, и поэта.

Несмотря на ряд отмеченных недостатков, трагедия П. Сельвинского нельзя не отметить как серьезную работу автора и нашей поэзии в целом. Монументальность замысла, верность исторической концепции, отличия в большинстве случаев стих заслуживают, по нашему мнению, высокой оценки.

Трагедия вызывает, наконец, глубокое уважение к крупному советскому поэту, сумевшему мужественно разобраться в неслыханном количестве ошибок, которые терпел в прошлом его трудный путь художника, и пойти по пути их преодоления.

Кому служит адмирал Джой

Переговоры о заключении перемирия в Коре переживают серьезный кризис. Десятый месяц корейская и китайская стороны, искренне заинтересованные в мирном урегулировании, настаивают на справедливом урегулировании спорных вопросов. Но после серьезных уступок, сделанных корейской и китайской сторонами, благодаря которым достигнуто согласие по ряду вопросов, янки выдвинули новые заведомо неприемлемые требования. Вопреки общепризнанным нормам международного права, определенным в частности, в Женевской конвенции, американские империалисты пытаются насильственно задержать на оккупированной американскими войсками территории Кореи более 100 тысяч северокорейских и китайских военнопленных. Ясно, что такая позиция займет янки с единственной целью сорвать переговоры.

Империализм и извращается американская делегация в Панмынчжоне, изыскивая все средства, чтобы отдалить момент заключения перемирия. Стоит полистать американские газеты, как сразу же станет ясно, что янки ничуть не заинтересованы в заключении перемирия. Американские империалисты, бесперечно нарушающие международные законы, мечтают не о мире, а о войне, о ее расширении. Уолл-стрит, как лютый бейли, боится прекращения войны в Коре, биржа самым болезненным образом реагирует даже на малейший признак прогресса в переговорах.

Американские монополисты считают, что война в Коре является необходимым условием усиления гонки вооружений, которая приносит огромные прибыли хозяевам американской экономики. Так, например, газета «Нью-Йорк пост» писала в декабре 1951 года, что даже разговоры шопотом о мире «поворачивают в трепет бизнесменов, банкиров и политических деятелей по всему миру... Эти группы опасаются, что любое значительное сокращение нашей программы мобилизации (что, как полагают на Уолл-стрите, будет неизбежным следствием прекращения войны в Коре. — Н. Н.) приведет нас к такому перенапряжению, к такому кризису, по сравнению с которым кризис 1929 года покажется пустяком».

Когда 19 февраля этого года в Нью-Йорке пронесся слух о близком перемирии в Коре, Уолл-стрит охватила паника. Произошло самое резкое в этом году падение курса акций. Курс некоторых акций упал на 3 доллара.

Господ бизнесменов бросает в холодный пот даже от одного упоминания о мире в Коре. Как известно, когда в начале февраля 1952 года Советская делегация на шестой сессии Генеральной Ассамблеи ООН внесла предложение немедленно обсудить корейский вопрос, чтобы содействовать успешному завершению переговоров о перемирии, делегация США, добиваясь отклонения этого «опасного» предложения, внесла свое собственное: обсудить корейский вопрос на чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи после того, как будет заключено перемирие (явно рассчитывая на то, что до этого дела никогда не дойдет — о чем и позаботились американские представители в Панмынчжоне). Однако этот фальшивый маневр американских дипломатов вызвал панику на чикагской товарной бирже. Начали падать цены на зерно. «Некоторые торгуют», — писала 10 февраля газета «Нью-Йорк таймс», — «оценивая», полагали, что это (т. е. предложение о созыве чрезвычайной сессии Ассамблеи. — Н. Н.) ухудшит перспективы на достижение перемирия в Коре. Из предосторожности началась распродажа зерна по сниженным ценам, хотя в Коре и остается еще урегулировать очень много вопросов...»

Газета «Кристен сайенс монитор» 4 января сообщила, что владельцы хлопковых плантаций на юге США считают продолжение войны в Коре одним из важнейших факторов, могущих обеспечить высокие цены на хлопок. Призывая, что положение на хлопковом рынке было к началу года весьма неопределенным, газета писала: «Эксперты в области статистики недавно предсказывали, что внутреннее потребление хлопка составит в этом году 10—10,5 миллиона кип, а экспорт — 6 миллионов кип, но потом изменили предполагаемую цифру внутреннего потребления в сторону уменьшения. Кроме того, надо все время считаться с возможностью внезапного мира в Коре. Мир и высокие цены на хлопок — вещи несовместимые». (Подчеркнуто нами. — Н. Н.)

Итак, «короли» зерна и хлопка — против перемирия в Коре. О стальных и атомных магнатах, фабрикантах оружия, наживавших на войне баснословные прибыли, и говорить не приходится. Понятно, почему глава американской делегации вице-адмирал Джой, который верно служит Уолл-стрит, затягивает переговоры о перемирии в Коре, прибегая к шантажу и провокациям.

Разглагольствуя о «гуманности» и «демократических принципах», американские интервенты чинят зверские расправы над военнопленными в Коре, подвергают их чудовищным насилиям и пыткам, чтобы помешать их возвращению на родину и заставить служить бандам Чан Кай-ши и Ли Сян Мана.

К напалу, бактериологической войне, массовому истреблению гражданского населения и другим преступлениям американских агрессоров, превозносящих своими зверствами гитлеровских фашистов, прибавилось еще одно — страшные лагеря смерти на острове Кочжудо. Это преступление американские разведчики пытаются замаскировать болтовней о «демократии». Но этой игрой словами вице-адмирала Джой и его хозяева не скроют от человечества своего людоедского, звериного обличья.

Н. НОВОСЕЛЬСКИЙ

КОММЕНТАРИИ И ЗЛИШНИ!

Американский журнал «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Ворлд Репорт» 14 марта 1952 года сообщил:

State Department officials are under strict orders from the top to ignore U. S. failures, when speaking in public about the Far East. Instead, the instructions are to find cheery, optimistic developments in Asia to talk about.

«Чиновники государственного департамента получили строгий приказ всегда умалчивать о неудачах США, когда они публично выступают по дальневосточным вопросам. Вместо этого, согласно инструкциям, они должны находить радостные, внушающие оптимизм события в Азии, о которых и рассказывать».

„ЧЕХАРДА ПО-АМЕРИКАНСКИ“

Посмотрите на рисунок, взятый нами из американской газеты «Нью-Йорк таймс». Он очень правдиво отображает нынешнюю экономическую ситуацию в Соединенных Штатах. Инфляционная чехарда между зарплатами и ценами ведет страну к экономической катастрофе. Не только «Нью-Йорк таймс» признает это. В январском номере журнала «Атлантик мангли» читаем: «За последние полтора года мы испытали две инфляционные бури... Сейчас зарождается третий финансовый тайфун... За все-таки экономическим бурем следует экономическая катастрофа». А сенатор-демократ «О'Конор», выступая недавно в Нью-Йорке, вынужден был признать: «США идут к финансовому краху». Как видим, художник из «Нью-Йорк таймс» графически изобразил то, о чем вынуждены вслух говорить американская печать и американские политики.

РОБЕРТ ЛЕР — ПАЛАЧ ЭССЕНА

Это было в воскресенье, 11 мая. Филипп Мюллер упал там, где его настала пуля. Когда товарищи, стоявшие поблизости, склонились над ним, заблуждительно подержав его поникшую голову, он был уже мертв. Через несколько минут имя этого молодого человека облетело многотысячные ряды демонстрантов, заполнивших улицы западногерманского города Эссена. В тот же день это имя повторяли во всех городах Западной Германии. Сегодня его знают все немцы. Филипп Мюллер был рядовым участником мирной демонстрации западногерманской молодежи. Всего 21 год прожил он на свете. Он стал первой жертвой военного протеста молодежи, против которого протестовали молодые немцы. Их было много на демонстрации в Эссене, несколько тысяч, они представляли собой внушительную силу, но на их знаменах значилось: мир и Германия. Им отвечали пулями. Мюллер был убит, десятки других ранены, сотни избитых юношей и девушек брошены в полицейские застенки.

Организатор этого кровавого лобби — Роберт Лер, министр внутренних дел боннского правительства. По его приказу в Эссене были стянуты дополнительные регулярные полицейские отряды из Бухума, Дюссельдорфа, Дортмунда, Мюнстера. Он приказал стрелять в немцев, выступающих против «общего договора». Он — убийца Филиппа Мюллера.

Лер, наверное, доволен: в роли палача и карателя он выступает не впервые. Об этом говорит вся его биография. Но у него имеется и другая веская причина для приятного расположения духа. Его кровавую «работу» по достижению цели сам Маккалоу — американский верховный комиссар: по телефону он выразил свою особую признательность Леру за расстрел молодежной демонстрации в Эссене.

Что же этот Роберт Лер, воспеваемый в Западной Германии мрачные времена гестапо? Его отец, некогда незначительный прусский генерал-майор, был придворным великого герцога Люксембургского. Его мать происходила из семьи вестфальского «советника коммерции». Этот ранг — свидетельство богатства и истинной преданности монархии: только крупным купчикам он и присваивался.

Взгляды боннского «министра внутренних дел» Роберта Лера, прозванного в народе «пушечный Лер», никак не расходились с его происхождением.

Вот он, полный рисовки, принимает парад своих войск. На Лере белое летнее пальто; оно скрадывает тучность брота. Белые перчатки прикрывают руки душистые; бинюк висит на ремне... Во всей фигуре этого человека есть что-то знакомое, некогда виденное, крепко запомнившееся. На кого он похож? Ну, конечно же! Наружность и манеры Роберта Лера напоминают того, кто принял яд, чтобы не быть повешенным. Военного преступника Германа Геринга.

Роберт Лер родился в 1883 году в городе Целле. Этот город в ту пору больше всего славился своим дворцовым замком и каторжной тюрьмой. Лер изучал юриспруденцию, подобно Аденауэру, подобно боннскому дипломату Хальштейну, провозгласившему недавно «объединение Европы до Урала». Потом начал служебную карьеру, получив место городского чиновника на Нижнем Рейне. Вся первая мировая война он, генеральский сын, просидел в тылу, не изведав фронтовой жизни и не получив награды. Тем не менее кайзер наградила его орденом железного креста на черно-белой ленте. «За заслуги в тылу» — так было объявлено.

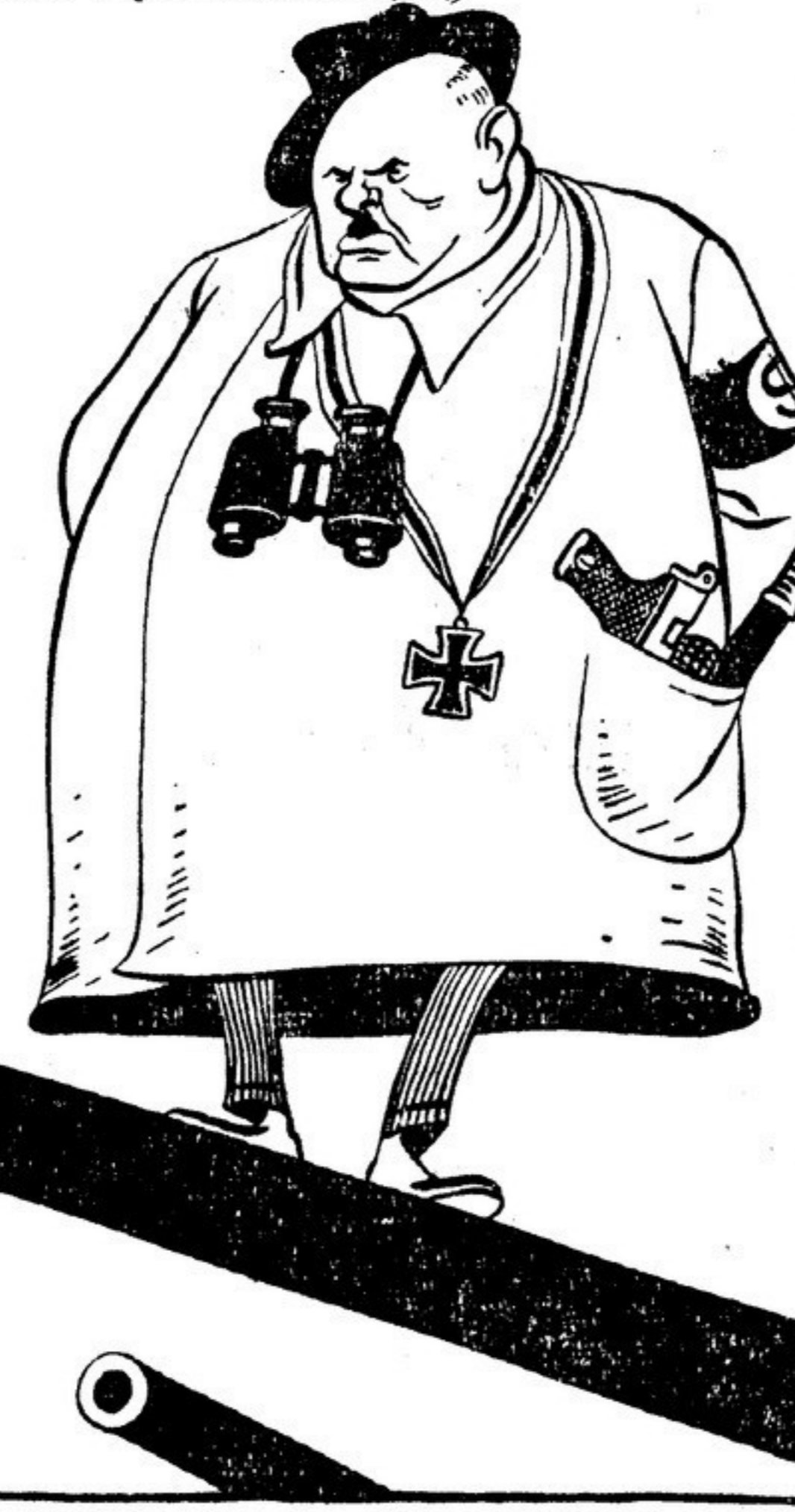
Какие же это «заслуги»? Оказывается, Лер был начальником полиции города Дюссельдорфа. В своих мемуарах он без излишней скромности описывал положение в этом городе: по его словам, там «постоянно господствовала склонность к радикализму», ибо рабочие «большей частью входили в состав свободных профсоюзов». Что же предпринял господин начальник полиции Лер? Обратился опять к его мемуарам. Он пишет: «Явился идея наряду с постоянным надзором за собраниями в парках и узких кругах наладить также слежку за отдельными лицами, создав разветвленную осведомительную службу. Все это помогло добыть такие сведения, на основании которых под предупредительный арест попадали все активные вожаки».

Вот за что получил Роберт Лер орден железного креста! Он создал «осведомительную службу», направленную против рабочих, требовавших прекращения войны. Где действовала эта «осведомительная служба»? На массовых собраниях и в «узких кругах», то есть в конспиративных кругах, куда Лер засылал своих шпинов.

У Лера хватало присутствия духа в те моменты, когда другие страдают, а он сидит в надежном укрытии. Но он становится откровенным трусом, едва ему начинает грозить опасность. В первые дни после войны, в ноябре 1918 года, рабочие Дюссельдорфа, намереваясь задать ему несколько вопросов, направились в его квартиру. «Храбрый» Лер дал тугу. С большим трудом его отыскали на мосту через Рейн, озябшего и трепещущего: он был в одних подштанниках.

В 1924 году этот отъявленный враг немецкого народа стал обербургомистром города Дюссельдорфа. Добиться высокого по-

Рис. Бор. ЕФИМОВА

ста для Лера оказалось делом несложным. По отцовской линии у него были связи с военными, через тещу — с прусскими промышленными баронами. Германскими монополистами, которые для восстановления агрессивной мощи Германии получали от Уолл-стрита доллары, требовались грязные политиканы с опытом полицейской работы. Лер примкнул к партии, в которой группировались самые консервативные круги дворянства и крупной буржуазии. Нартий руководил Альберт Гугенберг, директор предприятий пушечного короля Группа.

Лер старался сделать Дюссельдорф центром управления рейнско-вестфальской тяжелой промышленности. На средства магистрата он купил обширный дом, предоставив его в распоряжение концерна «Ферейните шталверке». Отсюда концерн руководил своими многочисленными предприятиями. Затем Лер стал членом дюссельдорфского «клуба промышленности», оплачивавшего золотом гитлеровскую пропаганду. Известно, что он принял участие в организованном клубом банкете 27 января 1932 года, когда состоялась встреча прусских магнатов с Гитлером.

Вскоре после этого в Дюссельдорфе Лер встретился с Гитлером. Они беседовали, как старые собраты по профессии, — ведь один из них начинал свою карьеру в качестве рядового шпиона в Мюнхене, другой — в роли гвардара веха дюссельдорфских шпинов.

Когда мюнхенский шпиик сделался имперским канцлером, его дюссельдорфский коллега оставался обербургомистром. Чувствовал он себя превосходно. Между двумя «коллегиями» царил полная гармония, как среди членов банды чикагских гангстеров. Гитлер оценил Роберта Лера по достоинству. Об этом свидетельствует также весьма солидная пенсия, назначенная в 1933 году почтенному обербургомистру после его выхода в отставку. Это пенсия он получал в течение двенадцати лет. В виде дополнительной «компенсации» фашистский университет в Бонне преподнес ему в 1938 году медаль почетного горожанина. Надо ли говорить, что в многочисленных паян, которые имел Лер в промышленных предприятиях времён Веймарской республики (он был членом наблюдательных советов многих акционерных обществ), гитлеровцы не только не прикоснулись, но своими военными приготовлениями и особенно разгромом им второй мировой войны обеспечили ему новые жирные барыши.

Когда закончилась вторая мировая война, полицейская карьера Лера оказалась для западных держав своего рода рекомен-

дацией. Сначала новые хозяева сделали его бургомистром, затем — президентом земли Северный Рейн — Вестфалия, а в 1948 году «опекуному» рейнско-вестфальского банка, прежнего «Дейче банк». Затем Лер, как и Аденауэр, стал членом наблюдательного совета крупного стального концерна «Ферейните шталверке», акционерный капитал которого составляет почти полмиллиарда марок. Логическое следствие всего этого: ведущий представитель финансового капитала и тяжелой промышленности оказался на посту министра внутренних дел боннского государства на поверхности вынолза вся фашистская нечисть.

Лер принял это назначение благословенно, как нечто должное и само собой разумеющееся. Перспектива «работы» рука об руку с Аденауэром привела его в неопределимый восторг. «Это будет хорошее сотрудничество», — воскликнул он в принаде откровенности. — Мы с Аденауэром знаем друг друга уже достаточно хорошо. Нам стоит только взглянуть друг на друга, чтобы знать, что нужно делать».

В одном только Лер был не совсем точен: и он сам и Аденауэр больше поглядывают на американцев, чем друг на друга, и уж во всяком случае делают только то, что нужно и угодно американцам.

Какую же политику проводит Лер ныне? Он ненавидит рабочих. И он боится их. Он не забыл своего ночного бегства в подштанниках. Когда рабочие сломали и сбили, Леру приходится тугу. Ему это известно. Выступая 14 декабря прошлого года в Гамбурге, Лер, как сообщила газета «Берлинер цейтунг», обещал «позаботиться о создании новых фашистских отрядов, которые средствами террора будут подавлять прогрессивные силы». И уже сегодня имеющиеся в его распоряжении отборные штурмовики эсэсовского образца громат прогрессивные организации и их печатные издания, протестующие против насаждаемого в Западной Германии фашистско-полицейского режима.

О своих связях с гитлеровцами он теперь вспоминает с гордыней, несколько не преуменьшая своих перед ними заслуг и нисколько не скрывая своих к ним поощреющих горячих симпатий. Известно, например, что вскоре после назначения на должность министра на одном из заседаний федерального парламента на негодующий возглас одного из депутатов: «Вы, г-н Лер, открыли уже однажды двери Гитлеру!» — американский фашистский министр ответил: «Я готов сделать это еще раз!» В этой самоуверенно-наглой фразе весь Лер — гитлеровец и фашист до мозга костей!

Главный пункт своей политической программы Лер заимствовал у Гитлера: боннский министр мечтает о запрете коммунистической партии. Он бросает в тюрьмы сторонников мира, вместе с Аденауэром пытается помешать всенародному опросу против реинтессаризации, за заключение мирного договора. Еще бы! Вся деятельность «пушечного Лера» направлена на воссоздание гитлеровского вермахта в интерьерах американских империалистов. «Мы нуждаемся в американцах, американцы нуждаются в нас», — заявил он год назад.

Леру не дают покоя новые прибыли, и каждую минуту ему мерещится война, которую он ждет — не дожидаясь. Иногда он, размахивая толстенными ручками, глумливо напевает: «Дейчланд, дейчланд юбер аллес». Гораздо чаще, впрочем, Лер открывает рот, чтобы, как он это сделал 24 мая прошлого года, во всеушесное заявить следующее: «Кто является господином Европы, тот является господином мира. Ее истинными сырьем, промышленные центры и интеллект дают огромную власть тому, кто владеет ею».

Это уже откровенный голос прусского милитариста и прусского заводчика, мечтающего о мировом господстве! Поэтому Лер торопится напялить на западногерманскую молодежь солдатские мундиры и загубить ее в новой войне. И если на собраниях и митингах в его присутствии раздаются протесты против реинтессаризации, Лер выпускает из засады своих штурмовиков... В кровавое воскресенье 11 мая жители Эссена вновь увидели нравы гитлеровского гестапо.

Шпик, провокатор, террорист, обогатившийся на ложах войны, Лер не нужен Германии. Немцы не хотят «общего договора». Они видят в последних советских нотах по германскому вопросу путь к возрождению своей родины. От ставленника американских поджигателей войны и прусских баронов отворачиваются все честные люди!

Максимilian ШЕЕР
БЕРЛИН, 16 мая. (По телеграфу).

Облик новой Албании

Разрезая синюю волну Адриатического моря, дует навстречу ветру теплоход. На его мачте — флаг великой Советской державы. Пункт следования — албанский порт Дуррес.

Большое оживление парит в эти весенние дни в главном порту новой Албании. У причалов с кораблей сгружаются огромные ящики с двигателями, станки. Стрелы судовых лебедок бережно опускают на землю молоты и грузовые автомашины, тракторы и электромоторы. На юг и на север, во все концы Албании идет из Дурреса поток бесценных грузов для быстрого восстановления албанской пятилетки.

Вглянитесь на схематическую карту Албании — карту мира и создания. В центре ее — столица молодой республики Тирана. Город связан с Дурресом железной дорогой, сооруженной в 1949 году, вслед за первой в истории страны дорогой Дуррес — Петли. Напомним, что до 1947 года Албания была единственной страной в Европе, не имевшей железных дорог.

После освобождения от оккупантов Тирана зияла развалинами взорванных и сожженных домов. Пыле с каждым днем хоршест и благоустрояется столица, растет ее промышленность. С конца прошлого года Тирану снабжает энергией и светом новая гидроэлектростанция имени Ленина. Бесперебойно выпускает ткани также недавно вступивший в строй текстильный комбинат имени Сталина. 20 миллионов метров тканей — такова годовая продукция комбината, которая полностью удовлетворит нужды населения Албании. И гидроэлектростанция и текстильный комбинат, как и многие другие предприятия, оборудованы советскими машинами, сооружены с помощью советских специалистов.

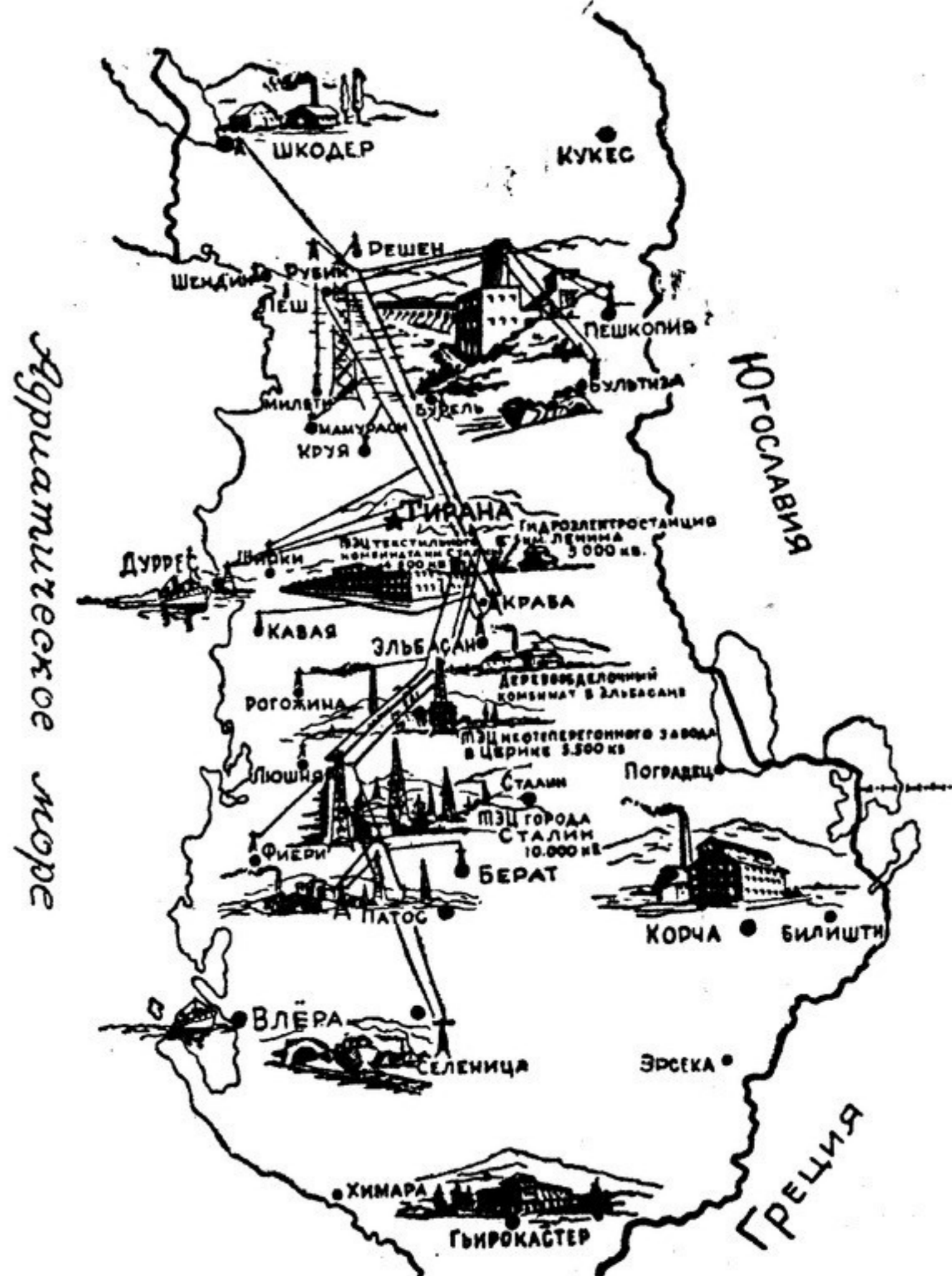
Албания в строительных лесах. Новостройки можно увидеть в суровых горах севера и теплых долинах юга, на побережье Адриатического моря. На этой схематической карте показаны как уже вступившие в строй предприятия, так и те, что будут возведены по пятилетнему плану.

Примерно в 80 километрах к северу от Тираны, на реке Мате, разворачивается строительство крупнейшей в стране гидроэлектростанции. Ее мощность достигнет 20 тысяч киловатт, годовое производство электроэнергии — 100 миллионов киловатт-часов. Оборудование для станции поставляет Советский Союз.

На запад от этой стройки, в центре медно-рудной промышленности — городе Рубика, также сооружается электростанция. А на северо-запад от Рубика, в городе Шкодер, выдает продукцию новая текстильная фабрика.

К югу от Тираны — Эльбасан. Здесь сооружен крупный деревообделочный комбинат, состоящий из трех заводов. Юго-западнее, в городе Рогожине, действует новый хлопкоочистительный завод. Южнее, в Перике, пятилетним планом предусмотрено сооружение нефтеперерабатывающего завода и электростанции. На юго-запад от Перика, в Фиери, также пущен хлопкоочистительный завод, во Влёре — рисоочистительный завод.

Среди новостроек албанской пятилетки — фабрика шерстяных тканей в Тиране, текстильный завод во Влёре и другие. К концу пятилетки, то есть в 1955 году, промышлен-

ленное производство Албании возрастет по сравнению с довоенным в 12 раз. Горы Албании, ее недра богаты нефтью и углем, железом, хромом, битумом, а также многими другими полезными ископаемыми. Все это теперь стало достоянием народа. Вступают в строй десятки новых шахт, нефтяных скважин, растет добыча редких металлов.

Сплошной лес вышек окружает город Сталин — один из центров нефтяной промышленности Албании. Эти нефтепромыслы, как и промыслы Патоса, еще недавно отсутствовавшего на географической карте страны, дают все больше «черного золота». Используя методы советских новаторов, вооруженные передовыми советской техникой, албанские нефтяники из месяца в месяц увеличивают добычу нефти. В нынешнем году она возрастает в полтора раза. В 15 с половиной раз увеличивается против 1950 года объем разведывательных работ. Мощность электростанции города Сталин будет доведена до 10 тысяч киловатт.

Линии высоковольтной передачи, показанной на схеме, еще нет — это одна из строек пятилетки. Линия свяжет в единую энергосистему промышленность северной и центральной Албании. В нее будут включены гидроэлектростанции на реке Мате, имени Ленина, теплоцентраль текстильного комбината и ряд других.

На полях находится и сельское хозяйство. В стране, где на полях господствуют солома и опата, созданы десятки машинно-тракторных станций, растет число сельскохозяйственных производственных кооперативов. Раньше Албания почти не знала хлопка, сахарной свеклы, подсолнуха. А теперь все это есть в стране, производство хлопка, например, увеличилось уже в 54 раза. Под благодатным южным небом Адриатик все больше развивается виноградарство, расширяются плантации цитрусовых, маслин.

Так меняется лицо еще недавно самой отсталой, феодально-патриархальной страны на Балканах. Вдохновляемый примером и помощью Советского Союза, албанский народ, несмотря на козни международной реакции и провокации греческих и югославских фашистов, уверенно создает основы социализма.

«Всеми своими победами», — говорит вождь албанского народа Энвер Ходжа, — наш народ обязан Советскому Союзу... Наша республика живет, крепнет и расцветает потому, что она живет в славленную сталинскую эпоху».

Протест китайских писателей

Группа известных китайских писателей и художников, находящихся на корейском фронте, опубликовала совместное заявление, обвиняя американских агрессоров в применении бактериологического оружия в Коре и Северо-Восточном Китае. Среди них — писатель Ба Цзинь, художник Гу Юань и драматург Сун Чан.

Обращаясь к писателям и художникам всего мира, они призывают их немедленно принять участие в борьбе за прекращение бактериологической войны, которую ведут американские агрессоры.

«Мы обращаемся к вам с просьбой использовать все ваше литературное и художественное мастерство для того, чтобы разоблачить преступление американских империалистов, развязавших эту бактериологическую войну. Давайте объединимся, чтобы защитить цивилизацию и счастье матерей и детей».

«Мы, китайские писатели и художники, находящиеся на корейском фронте», — говорится далее в заявлении, — являемся свидетелями этой войны... Каждый должен помнить, что для американских самолетов ничего не значит национальные границы. Бактериологическое оружие, которое американские агрессоры применяют сейчас для убийства корейцев и китайцев, может быть применено также для убийства народов Европы и других стран мира. Народы всего мира ответственны за то, чтобы положить конец бактериологической войне, ведущейся американскими агрессорами».

НА УЛИЦЕ АМЕРИКАНСКОГО ГОРОДА

Жительницы американского города Нью-Джерси (штат Нью-Джерси) протестуют против повышения цен на мясо. Они устроили демонстрацию около боен и консервных заводов фирмы «Армер энд Сидфт». На плакатах, которые несут демонстрантки, — надписи: «Прогрессивная партия требует: немедленно снизить цены на мясо на 20%»; «Доходы мясопромышленников выросли на 62%». Управление стабилизации цен хочет повысить их еще больше» и другие.

Снимок из американской газеты «Дейли уорнер»

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИЯ, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).